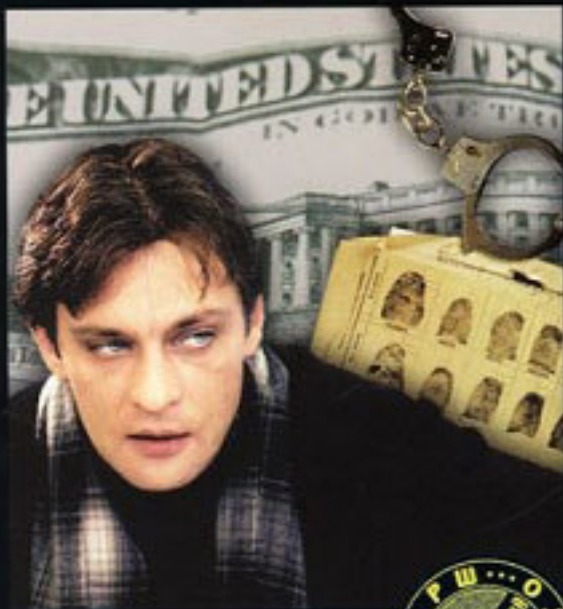

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

*Жестокая
схватка*

Фридрих Евсеевич Незнанский

Жестокая схватка

Серия «Марш Турецкого»

*Текст предоставлен издательством «Олимп»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169314
Жестокая схватка: Олимп, АСТ; Москва; 2007
ISBN 5-17-041355-6*

Аннотация

В результате череды ограблений из банков столицы похищены миллионы долларов. Преступники жестоко расправились с охранниками, инкассаторами, случайными людьми. Расследование этого сложного дела было поручено старшему следователю Генпрокуратуры Александру Борисовичу Турецкому, который вскоре пришел к не-приятному выводу: за всеми ограблениями стоит сильный, жестокий, умный и облеченный огромной властью преступник, готовый на все, лишь бы уничтожить улики и свидетелей...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	21
Глава первая	21
Глава вторая	29
Глава третья	40
Глава четвертая	64
Часть вторая	82
Глава первая	82
Глава вторая	87
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Пролог

Шли последние дни лета. В Москве стояла жара. Улицы были запружены машинами. Они образовывали бесконечные пробки в центре города, вызывая справедливое негодование подавляющего большинства пешеходов, страдающих от выхлопных газов, а также пассажиров наземного транспорта, которые были вынуждены простаивать в этих пробках.

В эти дни в Москве царил привычный ажиотаж, вызванный надвигающимся началом учебного года. Родители будущих первоклассников в эти дни срочно докупали все необходимое для того, чтобы их чада не ударили в грязь лицом в свой первый школьный день.

С полок магазинов подчистую сметались пеналы, тетради, шариковые авторучки и фломастеры. Тут и там можно было видеть возбужденных детей, с гордостью несущих за плечами из магазина домой свои первые рюкзаки.

Родители подсчитывали в уме затраты и вздыхали, размышляя о том, во что превратятся эти нарядные разноцветные ранцы после того, как они сделаются излюбленным средством выяснения школьных отношений.

По собственному опыту родители прекрасно знали, что это обычно происходило уже в конце первой школьной недели.

Продавцы сбивались с ног, пытаясь услышать одновременно всех покупателей.

Зато руководители крупных магазинов, торгующих подобного рода товарами, потирали от радости руки. Выручка в эти дни была отличная и уступала разве что предновогодней.

Александр Борисович Турецкий был вне этой суеты. Нинка давным-давно вышла из детского возраста, и нужды ездить с ней за школьными принадлежностями не было. Когда ей что-то бывает нужно, она предпочитает теперь самостоятельно сходить в магазин. Разумеется, если речь не идет о какой-нибудь дорогостоящей покупке.

Самостоятельная девочка.

Александр Турецкий был крайне рад тому факту, что в данный момент ему не надо посвящать свое время беготне по магазинам в поисках самых лучших фломастеров, потому как он намеревался посвятить ближайшие две недели совсем другому.

Константин Дмитриевич Меркулов наконец-таки способствовал тому, что генеральный прокурор выделил Турецкому две недели для отпуска.

Полдня вчера Александр Борисович пробежал по зданию Генеральной прокуратуры. Могло создаться впечатление, что передвигался он сразу по всем этажам. Несколько раз его видели возле бухгалтерии. И в столовой он тоже был замечен неоднократно.

И вот теперь он ехал на работу с одной-единственной целью: сказать «пока» своему другу Косте. Неудобно же уезжать, не попрощавшись по-человечески.

Меркулов, как обычно, читал какие-то бумаги.

– Не потревожил, Костя?

– Не потревожил. Заходи.

Константин Дмитриевич отодвинул бумаги в сторону и посмотрел на Турецкого.

– Ну что, все закончил?

– Ага, – кивнул Александр Борисович. – Вот, заехал попрощаться.

– Так ведь ненадолго, – пожал плечами Меркулов. – Все-го-то две недельки!

– Не, Костя, – возразил Турецкий. – Две недели – это ох как много!

– Ну да, ну да, – рассеянно кивнул Меркулов.

В кабинете возникла пауза, которую нарушало лишь тиканье настенных часов и жужжание какой-то заблудившейся в занавесках мухи.

Турецкий многозначительно кашлянул.

– Что? – недоуменно спросил Меркулов.

– Ну как что?

Константин Дмитриевич потер лоб:

– А-а, ты насчет того, чтобы на посошок?

Меркулов полез в ящик стола.

– Вообще-то, Костя, я о другом. Хотя на посошок тоже

можно.

– О чем же? – поднял бровь Константин Дмитриевич.

Не говоря ни слова, Турецкий достал из кармана мобильный телефон и показал его Косте.

– А-а, – снова протянул Константин Дмитриевич. – Хорошо, как договаривались.

– А как мы договаривались?

– Слушай, Саша, ты бы все-таки не наглел в присутствии вышестоящего руководства.

– И все же?

Меркулов сдался:

– Хорошо, обещаю тебе, что начиная с завтрашнего дня и в течение следующих двух недель я не стану звонить тебе по делам.

– Точно?

– Точно.

Удовлетворенный Турецкий сунул телефон в карман и поднялся.

– Ну теперь, Костя, я абсолютно спокоен.

– А как же «посошок»? – разочарованно спросил Константин Дмитриевич.

– Да нет, – махнул рукой Турецкий. – Я ведь на машине.

– Правильно, – одобрил Меркулов. – Трезвый водитель гарант порядка на дороге. Ладно, давай. Будем ждать тебя через две недели с сувенирами.

– А то, – подмигнул Турецкий. – С сувенирами и без ма-

шины.

Пожав руку Константину Дмитриевичу, он быстрым шагом вышел из кабинета...

Возле «Детского мира» затормозила подержанная «тойота». Лет десять назад такая машина была бы предметом вожделения любого среднего московского автолюбителя. Сейчас же объявлениями о продаже этих устаревших иномарок пестрели любые газеты. На нынешних московских улицах такая машина привлекла бы столько же внимания, сколько обыкновенная российская «шестерка».

Несколько минут в машине стояла полная тишина. Если, конечно, не брать в расчет радио. Оно, кстати, и послужило поводом к началу разговора.

– Да выруби ты его наконец! – нервно крикнул мужчина с заднего сиденья. – Достало уже!

– Не нервничай, Гриня. – Сосед толкнул «нервного» плечом.

Шофер выключил радио и посмотрел в зеркало заднего вида. Там четко обозначились две угрюмые мужские физиономии. Если бы кто-то решил определить род занятий этих людей, ему бы не пришлось долго думать. Мужчины с заднего сиденья определенно не являлись театральными критиками. Как, впрочем, не были и математиками, и бизнесменами, и университетскими преподавателями.

У одного через все лицо проходил косой резаный шрам.

Было видно, что в свое время обладатель шрама только чудом не лишился правого глаза.

Низкий лоб второго в сочетании с ярко выраженными надбровными дугами и полным отсутствием мыслей в глазах мог привести на размышления о том, что в давным-давно опровергнутой теории итальянского психиатра Ломброзо все-таки содержалась немалая доля истины.

Оба были одеты в камуфляжную форму, на руках у каждого, несмотря на жаркую погоду, были шерстяные перчатки.

Водитель тоже был одет в камуфляжную форму.

– Я не нервничаю, – отрывисто сказал низколобый, похожий на большую обезьяну.

Его украшенный шрамом сосед ухмыльнулся:

– А то я не вижу.

– Что ты видишь? – угрожающим тоном спросил Гриня.

– То, что ты всю дорогу дергаешься.

– За базар ответишь?

Разговор принимал нежелательный оборот, и водитель решил вмешаться:

– Ну ладно, мужики. Что вы? Сейчас не место выяснять отношения. Сделаем дело, приедем домой – там базарьте сколько угодно.

Его слова подействовали.

– А зачем Еж говорит, будто я нервничаю? – более спокойным тоном спросил Гриня.

Его сосед по прозвищу Еж снова ухмыльнулся:

– Да ладно, Гринь, не парься. Мы все нервничаем.

Троица достала сигареты, и салон машины наполнился дымом. Пришлось открывать окна.

Несколько минут они молча курили, сосредоточенно размышляя о предстоящей операции.

Еж сказал правду: волновались все трое.

– Нет, и все-таки это слишком. – Гриня выбросил окурочок в окно. – Я уважаю Короля, он умный, крутой, но...

Гриня неожиданно оборвал свою фразу на полуслове и подозрительно покосился на Ежа.

– Ты хотел сказать: но его здесь нет? – спокойно спросил Еж.

– Да, я хотел сказать именно это! – зло ответил Гриня. – Здесь, в самом центре, при свете дня, Короля нет! Он не дурак, чтобы самому лезть в такую заваруху. Можете пойти и настучать.

– А еще говорил, что не нервничаешь, – усмехнулся Еж.

Спиной водитель почувствовал, как напрягся Гриня.

Он напрягался каждый раз, и его привычка чуть что бросаться в драку не раз ставила операции под угрозу. Никак нельзя было этого допускать. Особенно в центре Москвы. И особенно при свете дня.

– Гриня, – обернулся водитель, – никто не собирается на тебя стучать. Это понятно?

Гриня угрюмо посмотрел ему в лицо.

– Мы не первый раз работаем вместе и прекрасно друг друга знаем. Знаем или нет?

– Ну знаем, – пробурчал Гриня.

– Хотя раз у нас что-то срывалось? Давай скажи.

– Нет, не срывалось.

– Так какого хрена вы каждый раз начинаете грызться?! – неожиданно заорал водитель. – Вы что, другого места найти не можете?! Нам начинать через полчаса, и мне надо, чтобы каждый из нас в это время был спокоен! Понятно?

– Понятно, – так же мрачно ответил Гриня.

– А тебе, Еж, понятно?

В ответ Еж молча кивнул.

Водитель по кличке Гроб был на удивление спокойным человеком. Считалось, что свое «погоняло» он получил именно за поистине кладбищенское спокойствие. Но когда его выводили из себя, Гроб становился по-настоящему опасен. Поговаривали, что он отправил на тот свет не один десяток людей, не сумевших вовремя прислушаться к его совету и заткнуться.

«А ведь не исключено, – подумал Еж, – что Гробом его прозвали именно за это».

– Может быть, ты хочешь сказать, что я говорю не по делу? – так же агрессивно продолжал Гроб. – Скажите, если не так!

Пассажиры на заднем сиденье молчали.

– Вот и хорошо. – Водитель снова заговорил спокойным

тоном. – Вот и хорошо.

Он посмотрел на часы:

– Через двадцать пять минут они должны появиться. Все помнят, что кому делать?

Гриня и Еж молча кивнули.

– Значит, говорю, все у нас получится. – Водитель снова повернулся лицом к лобовому стеклу. – А насчет Короля вы в следующий раз лишнего не болтайте. Привыкли ко мне, вот и забываетесь. А язык вещь мягкая. Его подрезать ничего не стоит. Сболтнете по пьяни и не в той компании, потом сами Королю будете объяснять, что вы не то имели в виду. Я за вас заступаться не стану.

Против его логики никто ничего возразить не мог. Гроб, как всегда, был прав.

Именно поэтому он и был главным в этой троице и имел последнее слово. Не просто номинально главным, а по-настоящему. Его уважали. Несмотря на то что он был близок к самому Королю, Гроб никогда никого не сдавал. Разумеется, если на то не было веских причин – предательство или проявленная на операции трусость. Да и то в таких случаях он предпочитал разбираться самостоятельно.

Тем временем к служебному входу «Детского мира» подъехала инкассаторская машина.

Все трое мгновенно подобрались и жадно стали наблюдать за тем, как инкассатор идет по направлению к служебному входу, как он скрывается внутри.

– Да он же полный лох, – прошептал Гриня.

– Разумеется, лох, – таким же шепотом ответил Гроб. – Как и в прошлый раз.

– И снова один.

– Разумеется, один, – подтвердил Гроб. – Если не считать водителя и местную охрану. Король просто так людьми швыряться не станет.

– Делов-то! – Гриня презрительно сплюнул на пол.

– Не расслабляться! – приказал Гроб. – Хотя в одном, Гриня, ты прав: у Короля все схвачено.

Заместитель председателя комитета Госдумы по безопасности генерал-лейтенант в отставке Ростислав Тимофеевич Афалин вышел из здания президентской администрации, матерясь на чем свет стоит.

Ростислав Тимофеевич был человеком, не привыкшим скрывать свои эмоции, и к тому же в совершенстве владел матерной лексикой.

– Вот уроды! – негодовал он вслух. – Нет, ну не уроды ли?

Он остановился и посмотрел на дежурившего возле входа офицера.

– Не уроды? – обратился он к нему.

Офицер, уже знавший Афалина, не удивился и отдал честь.

– А, ну вас всех! – махнул рукой Ростислав Тимофеевич. Дойдя до собственной машины, он открыл переднюю

дверь и уселся рядом с шофером. В отличие от многих своих коллег по Государственной думе, предпочитавших пользоваться задним сиденьем казенного автомобиля, Афалин всегда ездил только на переднем.

– Не, Михалыч, – обратился он к шоферу. – Это черт знает что!

Шофер Михалыч, возивший Афалина вот уже без малого пятнадцать лет, шмыгнул носом.

– Опять не слушают? – поинтересовался он, проявляя хорошее знание в вопросах национальной обороны.

– Нет! – лаконично ответил Афалин.

– О чем только думают? – пожал плечами Михалыч. – Зато взрывы через день.

– Вся оборонка сыплется, – продолжал возмущаться Афалин. – Армия скоро из одних офицеров состоять будет. Да и те уходят, потому что им денег не платят. – Он обернулся к Михалычу. – Я им там говорю: нажимайте на правительство, сукины дети! Мало вам того, что на нас и так уже плюют все, кому не лень. А они мне знаешь что отвечают?

– Что отвечают? – из вежливости поинтересовался Михалыч.

– А они мне отвечают: мы, мол, и так выделяем достаточные средства. Надо научиться ими пользоваться. Вот вы и учите! А нам, говорят, на пенсионеров не хватает. Лучше мы пенсионерам отдадим. Представляешь, пенсионерам!

– Много же они им отдают, – усмехнулся Михалыч.

– Вот и я им то же самое сказал. Говорю: если вы все деньги пенсионерам отдаете, то какого же, спрашивается, черта эти пенсионеры на улицы выходят и говорят, что правительство их грабит? А они мне отвечают: не все сразу, мы работаем.

– А вы?

– А я им говорю: за такую работу вас при Сталине бы к стенке поставили!

– А они?

– А они – что при Сталине за такие речи я известно где бы уже был.

– А вы?

Генерал-лейтенант в отставке усмехнулся:

– Я-то? Я им как звезданул со всего маха кулаком по столу, стаканы подлетели, хлопнул дверью и ушел.

– Дела, – протянул Михалыч, понимая, что гневная тирада на данный момент окончена. – Чего теперь будет-то?

– Да ничего не будет, – махнул рукой Афалин. – Чего у них может быть? Зря я дернулся в эту чертову политику. Думал, авторитетный человек в армии, станут прислушиваться. А ни хрена подобного. Одно сплошное болото. И ведь что обидно: в армии-то об этом не знают. Видят меня по телевизору и думают – проданся Афалин за депутатскую зарплату. А что, нужна мне она, эта зарплата? Я с юности в армии. До генерала без всяких протекций дослужился. Хоть завтра могу на походную койку и консервы.

Афалин замолчал.

Молчание в машине длилось долго, пока наконец Михалыч не завел мотор. Поехали вниз, вдоль бульвара, чтобы обогнуть его и затем подняться к Лубянской площади.

– Куда сейчас, Ростислав Тимофеевич, обратно в Думу?

Афалин мрачно посмотрел на водителя:

– Знаешь чего, Михалыч, езжай-ка ты один. А я, пожалуй, пешочком пройдуся. А то и так сижу целыми днями. Только геморрой заработаешь. К тому же все равно здесь везде пробки. А я тут, у Политехнического, выйду – проветриться надо.

И когда они подъехали к музею и остановились, генерал-лейтенант открыл дверь и вылез из машины.

– Ну давай, Михалыч. Желаю тебе не застрять надолго.

– А вам счастливо добраться, Ростислав Тимофеевич.

Не оглядываясь, Афалин направился в сторону «Детского мира».

Увидев пустой постамент, на котором некогда стоял памятник Дзержинскому, Афалин вспомнил известные кадры, многократно транслировавшиеся по телевидению, – возбужденная толпа людей, накинув веревочные петли на голову памятника, сдергивает его автокраном с пьедестала. И это воспоминание его всегда корбило.

Ростислав Тимофеевич считал себя «государственным». Он был уверен, что стране нужна сильная армия, уважение к ней, к собственной истории, какой бы она ни была.

А уничтожение памятников кому бы то ни было – плевок на самих себя, на свое государство. И оплотом этого государства во все времена является армия. Развал армии означает развал государства. А если быть точнее – его смерть.

С тех пор как он подал в отставку, Афалин каждый день мучительно ощущал, насколько ему не хватает армии. Гражданское общество так и не сделалось для него своим. Лучше всего генерал себя чувствовал, когда приезжал в какую-нибудь действующую часть. И не в качестве заместителя председателя комитета Госдумы по безопасности, а как частное лицо, по приглашению кого-нибудь из старых друзей...

Проходя мимо «Детского мира», Афалин отстраненным зрением заметил инкассаторскую машину, стоящую возле бокового входа. За рулем никого не было.

«Странно», – подумал Афалин.

Он, разумеется, не был крупным специалистом в инкассаторской работе, но знал, что машина во время приема денег никогда не остается пустой.

Из здания вышел человек в камуфляжной форме с автоматом, в его руках были запечатанные мешки, наверняка с деньгами. Его сопровождали двое охранников из магазина, вооруженных автоматами.

«Ну кто же так носит оружие? – расстроился Афалин. – Как гармонь – за спиной! А если что-нибудь случится?»

Следующие события доказали правоту опытного военного.

Из припаркованной напротив «тойоты» выскочили трое людей в черных масках. И тут же раздались автоматные очереди.

«Вот черт!» – мелькнуло в голове Афалина, а его рука машинально потянулась к правому боку, где раньше у него всегда висел пистолет.

Сейчас пистолета при нем не было.

Прозвучала последняя автоматная очередь, и в следующее мгновение Афалин, которому обожгло грудь, вдруг понял, что асфальт стал стремительно приближаться к его лицу.

«Вот черт!» – еще раз успел подумать Афалин.

Он уже не видел, как люди в масках схватили мешки с деньгами, не видел, как они вскочили в свою «тойоту» и та буквально через несколько секунд с визгом рванула с места.

Но когда произошли эти события, генерал-лейтенант в отставке Ростислав Тимофеевич Афалин был уже мертв.

Распростившись со стенами родного учреждения, Александр Турецкий пребывал в самом благодушном настроении.

Первым же делом он позвонил домой Ире:

– Ириша, дорогая, все в порядке.

– Шурик, а ты уверен?

– Уверен. Я абсолютно свободен на две недели начиная с завтрашнего дня.

– Ты сейчас домой?

– Домой. Мне полагается праздничный обед?

– Полагается, Шурик. Будешь сегодня есть жареную утку.

Давай быстрее.

Ира отключилась.

Турецкий посмотрел на свой мобильный телефон, потом перевел взгляд на висящие напротив часы.

«Может быть, отключить его прямо сейчас? – подумал он. – Отключить и поехать есть жареную утку?»

Но ответственность и порядочность одержали верх.

«Нет, не буду отключать, – решил Турецкий. – Отключу его ровно в ноль часов ноль минут...»

Меркулов позвонил без пяти минут двенадцать:

– Привет, Саня, заранее извиняюсь.

– Костя, и ты меня извини, но сейчас твой звонок не сулит ничего хорошего. Скажи, что ты позвонил, чтобы еще раз пожелать нам с Иркой счастливого отпуска, или, на худой случай, просто решил разыграть.

– Извини, Турецкий. Ничего хорошего и не произошло. А твой отпуск придется временно отложить. Не перебивай, у меня у самого сейчас голова тяжелая. Ты Афалина знаешь?

– Это генерала из Думы?

– Его самого. В общем, несколько часов назад его застрелили. Я только что с совещания. Уровень, как ты понимаешь, самый высокий.

– Понимаю, Костя. Значит, завтра как обычно.

– Как обычно, Саня. Мне правда жалко.

– Мне тоже, – вздохнул Турецкий. – Ладно, до завтра.

Бросив телефон на диван, Александр Борисович какое-то время сидел молча. Затянувшуюся паузу прервала Ира:

– Ладно, Шурик, заканчивай страдать. Не в первый раз.

Турецкий поднял голову:

– Хорошо, что ты все понимаешь.

– Ты утку доедать будешь? Или мне ее в холодильник убрать?

– Буду, – сказал Александр Борисович. – И еще, Ириш, включи, пожалуйста, телевизор. Там сейчас будут ночные новости...

Часть первая

Глава первая

На самом деле все началось солнечным летним субботним днем 1984 года.

В тот день, когда погиб Славка Горячев.

В тот день, когда они его убили.

В восемьдесят четвертом им было по четырнадцать лет.

Тогда они не думали о том, что этот поступок как-то отразится на их дальнейшей жизни. Тем более на их дружбе.

Более того, тот трагический случай по-настоящему сблизил их. Разумеется, ведь у них появилась общая тайна. Тайна, которую они поклялись унести с собой в могилу. Тайна, о которой не должен был узнать никто.

Но, наверное, уже в тот момент Петр подумал, что этот поступок не пройдет для них даром. Когда-нибудь им придется ответить за то, что они сделали. Но он даже и предположить не мог, что им придется отвечать друг перед другом.

В тот момент он, как и Виталик, как и Вася, боялся милиции.

А оказалось, что бояться нужно было совершенно другого.

Славка Горячев погиб случайно. Не совсем, конечно, слу-

чайно. Это они его убили.

Но ведь они не хотели его убивать. Попугать – да. Избить – тоже да. Но не убивать.

Он всегда раздражал их. И их, и всю остальную компанию. Постоянно хвастался своим отцом, говорил о том, как через три года без всяких проблем поступит в институт.

Он никогда не скрывал своего пренебрежительного отношения ко всей их компании. А пару раз, напившись, произнес слово «быдло». Но при этом почему-то продолжал с ними общаться. Наверняка потому, что ему было приятно осознавать себя выше всех остальных.

По большому счету он сам нарвался. На их месте мог оказаться кто угодно.

В тот вечер они позвали его смотреть на труп. Взяли, как обычно, самогона у бабы Нади и пошли.

Тот труп действительно существовал. Они обнаружили его за несколько дней до этого в заросшем лесном озере. Какой-то раздувшийся мужик плавал у берега лицом вниз. Судя по шедшему от него запаху, он плавал в этом озере уже давно.

Труп первым обнаружил Виталик. Потом показал им.

Идея привезти сюда Славку Горячева возникла у всех троих одновременно.

Но они не хотели его убивать. Они просто хотели неожиданно столкнуть в озеро. Прямо на того мужика.

От одной только мысли, как Славка наложит в штаны, им

сделалось смешно. Поэтому они до поры до времени не общались никому о своей находке. Хотя языки так и чесались.

А что касалось Славки, то под «честное слово пацана» Виталик сообщил ему о том, что они нашли «такое!», что он тоже сможет увидеть, если будет держать язык за зубами.

И Славка пообещал.

– Зуб даю, – серьезно сказал он, щелкая ногтем большого пальца по передним зубам.

Если бы он знал, как окажется прав.

Первый удар дубинкой, который нанесет ему Виталик, придется именно по передним зубам.

Тогда еще ни Славка, ни Петя с Васей, ни даже, наверное, сам Виталик еще не осознавали, что последует за этим ударом. В тот момент они не знали, что значит почувствовать вкус крови.

Поначалу все пошло так, как они и планировали.

Они решили незаметно подвести Славку к тому месту, где среди камышей плавал труп мужика. Потом собирались столкнуть его в воду. Как они и ожидали, оказавшись лицом к лицу с тем, что когда-то было человеком, Славка должен был прийти в ужас.

Бледный, с дрожащими губами, он пытается выбраться на берег, но это будет сделать ему не так-то просто.

Громко хохоча, они станут пресекать все его попытки, и каждый раз он будет соскальзывать обратно, прямо в объятия этой разлагающейся массы.

По идее, Славка должен будет понять в этот момент, что ему надо поступать как-то по-другому, никто не знал как, но иначе: обматерить их и поплыть на другой берег; перестать дрожать и показать, что ему плевать на этогодохлого мужика; продемонстрировать им, что он не боится и вся их выходка является не более чем примитивной детской дуростью, рассчитанной на малолеток, так и не продвинувшихся в своем развитии выше третьего класса.

Но он совершил роковую ошибку: он поступил по-другому.

Славка расплакался и начал умолять их прекратить. Он обещал сделать для них все, что они попросят. Говорил, что украдет для них из дома деньги. Он еще много чего обещал. Славка не был жалок, он был просто мерзок.

И вот в тот-то момент Виталик поднял свою палку (он всегда носил с собой эту палку), подтянул Славку поближе и изо всех сил врезал ему по лицу.

Кровь появилась сразу. И тут же появилось желание бить дальше.

И они начали бить.

Били, вкладывая в удары всю свою ненависть к этому червяку и испытывая странную радость от собственного озверения.

Вначале до их слуха доносились всхлипы, стоны. Но и потом, когда эти звуки прекратились, они продолжали бить. Удары прекратились только тогда, когда все трое выдохлись.

Бросив палку на землю, Виталик схватил бутылку самогона и одним махом осушил полбутылки. Поморщившись, он передал бутылку остальным.

Самогон оказал свое обычное действие, и все трое там же, у воды, закурили.

– А здорово мы его. – Виталик усмехнулся. – Я ведь, кроме куриц, еще никого не убивал.

Вася с Петей молча смотрели на озеро, в котором теперь плавали два трупа.

– Линять надо, – предложил Вася.

Петя посмотрел на Виталика и сказал:

– Васек правильно говорит, надо линять.

Виталик отрицательно покачал головой. С этого момента он однозначно почувствовал себя главным.

– Нам надо его утопить.

– И как же ты его утопишь? Камней в карманы накидаешь, как в книжках пишут?

– Нам надо его утопить, – упрямо повторил Виталик. – А камни из карманов рано или поздно вывалятся. Если его найдут, понаедет милиция. Обязательно как-нибудь до нас докопаются. Обязательно найдется какой-нибудь старпер, который видел, как мы уходили все вместе. А если труп не найдут, то мало ли куда он мог деться. Не станут же они все окрестные пруды проверять.

– Как топить будем? – хрипло поинтересовался Вася.

– То колесо притащить надо.

Никто не знал, откуда и когда это колесо появилось на окраине деревни Тучково.

Если бы это было колесо от легковушки или даже от «КамАЗа», это было бы понятно. Но колесо было от лифта. Кому могло понадобиться везти его сюда, было неизвестно. Ближайшие лифты находились в городе Владимире, а до него надо было добираться полтора часа на автобусе.

Но еще большая загадка заключалась в том, как им троим удалось допереть это колесо до озера. Да еще и так, что никто ничего не заметил.

Пете Виталик поручил самую неприятную часть «работы»: тот должен был влезть в воду и крепко обвязать веревками труп Славки.

На это ушло почти полтора часа. Другой конец веревки был продет в колесо. Но и после этого Петя должен был оставаться в воде. А его приятелям предстояло самое сложное! Необходимо было поставить колесо вертикально, чтобы его можно было скатить в озеро. Но кроме этого надо было отодвинуть в сторону труп, чтобы колесо не свалилось прямо на него и не застряло вблизи от берега.

К этому времени Петя уже основательно замерз.

– Но ведь веревки слишком длинные, – сказал он. – Все равно получится, что он будет плавать на поверхности.

– Не будет, – уверенно сказал Виталик. – Главное, чтобы само колесо легло достаточно глубоко. Потом несколько раз

нырнем и утянем его вниз. Главное, чтобы на дне было к чему привязать.

– Сам нырять будешь, – возразил Петя. – Я и так тут в воде уже час торчу.

– Все будем нырять, – последовал лаконичный ответ.

Спустя пятнадцать минут Петя сидел на берегу и, затягиваясь папиросой, наблюдал за тем, как Славкин труп медленно погружается в воду.

Время от времени с разных сторон из воды показывались головы товарищей. Они делали несколько глубоких вдохов и вновь ныряли.

Вскоре все было кончено.

Они сидели возле костра, допивали оставшийся самогон и смотрели на огонь.

– Надо прямо сейчас утопить всю одежду, – сказал Виталик. – На всякий случай. Набить камнями и утопить.

– Мне сандалии жалко, – покачал головой Вася. – Что я матери скажу?

– Скажешь, что у тебя их хулиганы украли.

– Может, я лучше их дома в печку кину?

– Надо избавляться от одежды сейчас, а сандалии закинь подальше в озеро, – настойчиво повторил Виталик. – Или ты для легавых следы оставить хочешь?

– Не хочу, – покачал головой Вася.

Здесь же, возле костра, они поклялись друг другу хранить эту тайну.

В тот момент они даже не подозревали, как быстро это событие исчезнет из их памяти. Как оно вначале сольется со всеми другими событиями того лета восемьдесят четвертого года. А еще спустя несколько лет вообще останется в каком-то далеком и очень странном времени под названием «детство».

И все же Петр подумает, что этот их поступок на самом деле явился началом какой-то другой жизни, в которой за все свои поступки придется платить, но никто не знает, когда наступит срок расплаты.

Глава вторая

На следующий день Петя проснулся только в четвертом часу. Он долго лежал на спине, тупо разглядывая потрескавшийся потолок. События вчерашней ночи казались дурным сном, он не мог поверить, что все это произошло на самом деле. Но он знал, что *это* произошло.

Славки Горячева больше нет. Они его убили. Забили до смерти. Утопили труп. И в данный момент тело находится на дне лесного пруда, привязанное к железному колесу от лифта.

«Нас поймают, – подумал Петя. – На что мы рассчитывали? Славкин отец поставит на уши всю местную милицию. И нас поймают».

Он откинул одеяло и сел на кровати, обхватив голову руками.

«А вдруг он отвязался и всплыл? – подумал Петя. – Веревка в воде размокает. Или ее перегрызли водяные крысы? Или рыбы?»

Ему представилось мертвое Славкино лицо, все облепленное мальками. Мальки вплывали в открытый рот, вылезали из носа. Небольшая стайка поедала Славкины глаза.

«Поскорей бы они его сожрали, – подумал Петя. – Сожрут, и все будет в порядке».

Он встал и прошел на кухню. Сквозь окно увидел копаю-

щуюся в огороде мать.

«Странно, как она может постоянно что-то делать? Что вообще можно делать на огороде целыми днями? А она вот находит».

Открыв холодильник, Петя достал оттуда трехлитровую банку с молоком и начал пить прямо из банки. Разумеется, именно в этот момент с огорода вернулась мать. Она ненавидела, когда он пил из банки.

– Сколько тебе можно говорить – не пей из банки! Где шлялся опять всю ночь?

– Гулял.

– Опять пили. – Это прозвучало не как вопрос, а как констатация.

– Ну и что?

«Сейчас начнется, – подумал Петя. – Надо побыстрее лить отсюда».

Он оказался прав, действительно началось. Мать тяжело опустилась на стул и принялась за свою ежедневную проповедь:

– Вырастила урода. Совсем совесть потерял. Думаешь, если отца нет, то можно делать что угодно.

– А чего же ты растила урода? Вырастила бы нормального человека.

– Ты как с матерью разговариваешь, неблагодарный? – В ее голосе слышались с трудом сдерживаемые слезы.

– А за что мне быть благодарным? – Петя с ненавистью

посмотрел на убогую окружающую обстановку. — За это?
— Свинья, — заплакала мать. — Был бы жив отец, он бы тебе показал...

Петин отец не был мужественным лесником, павшим от пули браконьера, или героическим исследователем Арктики. Его зарезали в пьяной драке. Ножи были в руках у обоих дерущихся, но Петин отец оказался более пьяным и соответственно менее боеспособным.

Если бы Петин отец оказался более трезвым, чем его противник, он до сих пор отбывал бы наказание в местах не столь отдаленных.

И все же отца Петя любил. Он помнил, как они ходили на рыбалку. Петин отец был заядлым рыболовом. И несмотря на то что жили они бедно и все свободные деньги отец тратил на горячительные напитки, он все-таки сумел отложить сумму, необходимую для приобретения небольшой дешевой резиновой лодки.

Не было ничего увлекательней для маленького Пети, чем сидеть на полу вместе с отцом и чинить прорванный бредень или мастерить очередную донку. А потом, уже на озере, плыть, дрожа от утреннего тумана, и вытаскивать из холодной воды запутавшуюся в сетях рыбу.

Рыбу отец носил на рынок и продавал. Полученные деньги шли на водку, но каждый раз что-нибудь перепадало и Пете — кулек ягод, петушок на палочке, стакан семечек, кусок ме-

довых сот. Иногда, когда улов оказывался удачным, отец покупал у кавказских торговцев один персик, и Петя старался растянуть удовольствие. Полусъеденный персик покрывался пылью, вокруг кружилось полчище мух, а Петя все не доедал его, стараясь, чтобы как можно большее количество людей увидело, какой хороший у него персик.

Впрочем, иногда у отца случался запой, и тогда он оптом отдавал всю пойманную рыбу бабе Наде, меняя ее сразу на самогон. Ушлая баба Надя коптила рыбу на маленькой копильне и продавала ее на рынке уже втридорога.

И каждый раз, когда отец впоследствии видел на рынке ее товар, он, вздыхая, говорил Пете:

– Эх, сынок, вот видишь, как люди умеют устраиваться? Если бы я не пил да был похитрее, давно бы стал миллионером. Купили бы мотоцикл с коляской, матери твоей платье новое импортное и зажили бы как люди!

От мысли о том, что он никогда не сможет жить «как люди», мучающей каждого пьющего русского человека, желание выпить за свою несложившуюся жизнь только усиливалось.

По большим праздникам – Новый год, или седьмое ноября, или майские праздники – отец наливал сто грамм и Пете. На все возражения со стороны матери он всегда произносил одну и ту же фразу:

– Он – мужик, пускай привыкает с детства. Пускай учится, пока я жив.

Водка Пете не нравилась, но чувство приобщенности к взрослому миру перевешивало. Он старался пить не морщась, закусывал соленым огурцом и сдерживал готовые брызнуть из глаз слезы.

А однажды к ним в дом постучал участковый и, пройдя на кухню, долго говорил о чем-то с матерью. Стараясь, чтобы его не слышали, Петя вжался в стену и слушал.

Многое из того, что говорил участковый, было непонятно, но одно Петя понял – отца зарезали, и сейчас он лежит на улице возле местной пивной.

Участковый пришел за матерью, чтобы составить протокол опознания.

Петя выбежал из дома и понесся по направлению к пивной.

Толпу он увидел уже издали. Мужики, обычные посетители заведения, стояли полукругом и мрачно смотрели вниз. Там же находились и все местные милиционеры в количестве двух человек.

Протиснувшись сквозь людей, Петя увидел отца.

Спустя три минуты из пивной вышла буфетчица, неся в руках большую клеенчатую скатерть, во многих местах прорезанную завсегдаятами пивной. Этой клеенкой накрыли тело отца.

Именно в этот момент он отчетливо понял, что отца больше нет и что этот персик ему уже никто никогда не купит.

После этого он заревел...

— Сколько можно про отца? — крикнул он. — Как он вообще мог жениться на такой дуре?

— Свинья, — монотонно продолжала причитать мать. — Свинья неблагодарная.

Петя сам не понял, как его правая рука непроизвольно сжалась в кулак и как в следующий момент этот кулак вылетел вперед.

Мать охнула и тут же замолчала.

Она держалась за щеку и испуганно смотрела на сына. Да, он действительно часто грубил ей, бил, мог не ночевать дома. Но того, что он может поднять на нее руку, она не ожидала.

Не произнеся ни слова, Петя отступил на два шага назад и, сорвавшись с места, пулей бросился вон из дома.

Он бежал, не разбирая пути, бежал до тех пор, пока не запыхался. Остановился уже далеко за деревней, возле старого колхозного загона для скота.

Потом, забившись в самый дальний угол, курил одну за другой вонючие папиросы, от которых жгло горло, и дрожал. Сотни мыслей проносились в его голове, но ни одна из них не была достаточно весомой, чтобы он мог на ней остановиться. И лишь когда он начал успокаиваться, его сознание начала заполнять одна-единственная мысль. Он понял, что снова думает о лежащем на дне лесного озера труп Славки Горячева.

И снова в его душе проснулся страх. Страх за то, что тело

может всплыть.

Вчера ночью они втроем договорились о том, что минимум месяц не станут показываться возле озера, чтобы не светиться. На этом настоял Виталик. Но сейчас Петя чувствовал, что он просто обязан пойти туда и посмотреть. Ему надо было удостовериться, что все спокойно. Он чувствовал, что если не будет в этом уверен, то не сможет долго держать в себе их общую тайну и рано или поздно обязательно проболтается.

Петя долго не мог заставить себя подойти к лесному озеру. Целых полчаса он блуждал вокруг да около, не находя в себе сил и смелости приблизиться. Ему казалось, что там его поджидает милиция с собаками, которые мгновенно учуют приставший к нему запах крови. За каждым деревом ему мерещилась засада.

Озеро поразило Петю своей безмятежностью. Сверху сквозь деревья пробивалось солнце, вода была гладкой и спокойной, квакали лягушки.

Он присел возле кучи золы, оставшейся от их костра, и достал папиросы.

Неожиданно за спиной в кустах раздался шорох. Успокоившийся Петя мгновенно вскочил на ноги и обернулся в ту сторону.

В кустах стоял Виталик Королев и молча смотрел на него. Внешность Виталика поразила Петю – осунувшийся, с глубоко запавшими глазами. Судя по всему, Виталик так и не

смог уснуть.

Минуту они стояли в молчании, глядя друг на друга. Молчание нарушил Виталик.

– Я тоже решил проверить, – сказал он. – Хотел раньше прийти, но не мог. Боялся.

Сейчас он совсем не был похож на того Виталика Королева, каким все привыкли его видеть и который никогда бы не позволил себе признаться кому-нибудь, что он испугался.

– Я тоже, – сознался Петя.

Виталик подошел берегу и заглянул в воду.

– Здесь все тихо, – сообщил Петя. – Как будто ничего и не было.

– Да, тихо, – согласился Корольев.

– В деревне еще ни о чем не говорят?

Виталик отрицательно покачал головой:

– Нет, мне мать бы сказала, если бы его уже искать начали.

– Да, моя мать тоже ни о чем таком не говорила.

Они закурили.

– Я сегодня ходил к Славкиному дому, – сказал Виталик после нескольких затяжек, – смотрел, как там что.

– И как?

– Да никак. Машины нет, значит, отец его куда-то уехал. Он, наверное, еще и не знает, что Славка домой не пришел.

– Может, он в ментуру поехал?

– Нет, тогда бы шум поднялся. Может, он вообще только через неделю приедет.

– Значит, все в порядке?

– В порядке.

И после этих слов Пете сразу сделалось легко. Милиция, наказание, да и сам их поступок в одно мгновение сделались призрачными и далекими.

– Пошли отсюда, – предложил он.

– Пошли, – согласился Виталик.

И хотя на всякий случай до деревни они решили добираться окольными путями, разговор переключился на более бытовые события.

– А я с матерью поругался, – сказал Петя. – Нехорошо вышло, даже ударил.

Виталик даже остановился.

– Ни фиги себе!

– Завела, как всегда, причитания об отце.

– Не, – усмехнулся Виталик. – С моей матерью не поругаешься. На нее и батя-то голос повышать боится.

Повышать голос на Антонину Алексеевну Королеву боялся не только ее муж Елисей Сергеевич, но и все остальное население деревни Тучково.

Антонина Алексеевна была женщиной дородной, властной и за словом в карман не лезла. Если что, она с легкостью могла и руки в ход пустить.

Елисей Сергеевич являл собой полную противоположность собственной супруге. Худенький и щедушный – типичный среднерусский мужичок – любитель выпить и похва-

статься.

Работала Антонина Алексеевна в единственном в деревне Тучково магазине и занималась снабжением. Поэтому в доме Королевых всегда присутствовали продукты, да и денег было побольше, чем у многих других.

Что касается Елисея Сергеевича, то он в свои тридцать два года был официально признан инвалидом и поэтому, в отличие от большинства советских граждан, имел полное и законное право не трудиться на благо родины, не считаясь при этом тунеядцем.

Елисей Сергеевич занимался выращиванием и продажей на рынке города Владимира помидоров и разных других овощей.

Дойдя до дома, в котором жила семья Королевых, ребята поняли, что им очень не хочется расставаться.

– А давай я тебя провожу, – предложил Виталик.

– А тебе не влом?

– Не, не влом.

Возле дома, где жил Петя, ситуация повторилась. Обоих разобрал смех.

– Чего мы, теперь всю жизнь будем друг друга провожать? – заржал Виталик. – Давай гуляй, тебе с матерью мириться надо.

Наконец, выкурив еще по одной папиросе, распрощались.

Мать была на кухне. По запаху Петя понял, что она варила борщ.

Повернувшись, она как ни в чем не бывало посмотрела на сына и спросила:

– Ты есть будешь?

– Буду.

– Тогда мой руки и садись за стол.

После этих слов она снова отвернулась и принялась двигать половником в кастрюле.

И он подумал: «Раз все так спокойно, может быть, на самом деле ничего и не было».

Глава третья

Петя никогда не задумывался о том, кем он станет в жизни. Для него, как и для большинства молодежи деревни Тучково, будущее представлялось вполне конкретно. Доучиться до восьмого класса, постаравшись не загреметь в колонию для несовершеннолетних, и получить аттестат.

Дальнейший путь лежал в ближайший крупный город Владимир, в строительное ПТУ. Потом армия, а после – на какой-нибудь строительный объект. Если проработаешь пять лет, не попадая ни в какие громкие истории, становишься бригадиром. После чего получаешь квартиру во Владимире и живешь всю оставшуюся жизнь, заводя детей, посещая с друзьями по выходным дням баню и раз в месяц на получку сильно напиваясь.

Начался 1986 год.

Зима и весна пронеслись быстро, наступил июнь, а вместе с ним и вторая годовщина смерти Славки.

За прошедшие два года его тело так и не нашли.

Славкин отец, узнав о пропаже сына, поднял на уши всю местную милицию, но та так ничего и не обнаружила. Славку стали считать пропавшим без вести, никаких похорон соответственно не было.

Славкин отец, отставной полковник, с тех пор запил и постепенно начал опускаться. Его часто стали видеть в компа-

нии местных алкашей.

О том, что со дня убийства прошло уже два года, Петя вспомнил лишь спустя неделю. В это время шли школьные экзамены, и было не до воспоминаний. А потом подумал как-то равнодушно, без эмоций: «Надо же, прошло уже целых два года».

Наконец аттестаты друзьями были получены, и по этому поводу в Тучкове устроили грандиозную пьянку.

Сколько выпили, не мог сказать никто, но все окна в здании школы наутро оказались побитыми.

Приехавший участковый только развел руками.

– А чего, разве не каждый год повторяется одно и то же? – сказал он завучу, ковыряя в зубах спичкой. – И на следующий год повторится.

– Ну а разве нельзя проверить отпечатки пальцев? – возмущалась завуч. – Камней внутри школы достаточно.

– А я что же, у всей деревни проверять стану? – возразил участковый. – Вставьте новые, у меня и без вас дел полно. Настоящих преступников ловить надо.

– Так вот вы и ловите этих, пока они не стали настоящими преступниками, – не унималась завуч. – Из таких ведь и вырастают бандиты.

– Вы мне демагогию не разводите, – строго сказал участковый. – Вот когда вырастут, тогда и станем ловить. А то если каждого за всякую ерунду сажать, никаких тюрем не хватит.

Поняв, что этот разговор может продолжаться до беско-

нечности, завуч в сердцах плюнула на пол.

– Уж тюрем-то у нас в стране всегда хватало, – раздраженно сказала она.

– Но-но! – Участковый перестал ковырять в зубах спичкой. – Статью за антисоветскую агитацию у нас, по-моему, не отменяли.

На этом разговор и кончился.

...В общежитии строительного ПТУ № 2 трое друзей поселились в одной комнате. Комната располагалась на первом этаже серого трехэтажного здания.

Жизнь в ПТУ шла весело. Правда, надо было учиться, но учеба не шла ни в какое сравнение со школьными годами.

Началась взрослая жизнь, по крайней мере, она воспринималась как взрослая.

Единственной проблемой была постоянная нехватка денег, зато бесплатно кормили. Да и родители помогали, чем могли.

Вскоре стало окончательно ясно, кто из всех троих является истинным лидером. Виталий Королев быстрее своих друзей нашел общий язык с остальными обитателями общежития, он же являлся инициатором всех без исключения происшествий, будь то драки или ночные несанкционированные визиты в женское общежитие текстильного училища.

Он же оказался первым из троих, кто по-настоящему влюбился.

Наташа была из интеллигентной семьи и училась в вось-

мом классе специализированной английской школы.

С Виталием они познакомились случайно, на троллейбусной остановке. У него в руках были две бутылки портвейна «Кавказ», у нее – аккуратный портфель из хорошей кожи.

Увидев миниатюрную блондинку с длинной косой и пронзительными голубыми глазами, Виталий в буквальном смысле открыл рот и ошеломенел настолько, что выронил одну бутылку.

Услышав звон разбившейся бутылки, она обернулась и посмотрела на лужу, растекавшуюся вокруг Виталика, потом смерила взглядом его самого. Под ее взглядом Виталик, наверное впервые в жизни, почувствовал, что ему стыдно.

Девушка презрительно поджала губы и пошла прочь.

Если бы на месте Наташи оказалась любая другая девушка, Виталий не задумываясь плюнул бы ей вслед и еще выкрикнул что-нибудь обидное на тему «не такая уж ты фифа, чтобы задирать нос».

Но в этот раз все случилось иначе.

Постояв минуту в оцепенении, Виталий Королев – любитель юных швей-мотористок – бросился вслед за незнакомой девушкой.

Обогнав ее, он остановился как вкопанный и с ужасом понял, что не может произнести ни слова.

– Что вам надо? – строго спросила девушка.

Ее голос вывел Виталия из ступора.

– Прости... то есть простите. Я не знаю, как тебя... то есть

вас зовут. Я просто хотел извиниться... ну вот за то, что там эта бутылка... вот.

Она молчала, и Виталий окончательно стушевался.

– Хорошо, я вас извиняю, – сказала наконец девушка. – Теперь можно идти?

– А может... мы сможем как-нибудь встретиться? В кино там ходим?

– Я не могу пойти в кино с пьяным, – сказала она.

– А я не буду больше, – пообещал Виталий. – Правда не буду. Можно я тебя провожу?

– Сегодня нет, – покачала головой она. – Меня отец встречать будет. Ты ему не понравишься.

– А когда можно?

Она задумалась:

– Можем встретиться в субботу, у кинотеатра.

– В половине пятого?

Она кивнула.

– Меня вообще-то Виталием зовут.

– А меня Наташей.

Петя и Василий встретили его недоуменными взглядами. Трудно было сказать, что их поразило сильнее – неожиданно сияющий вид друга или тот факт, что из-под куртки он достал только одну бутылку.

– Ты что, весь пузырь в одно рыло выдул? – обиженно спросил Кириянов. – Не ожидал от тебя, Виталь.

– Да ладно, мужики, пейте. Я не буду.

– Ты чего, опух?

И пока Виталий рассказывал про Наташу, друзья слушали молча. Они перебрасывались многозначительными взглядами, но молчали.

– Ну вот и все, – закончил свой рассказ Виталий.

– Похоже, ты влюбился, – резюмировал Петя. – Это хреново.

– Почему же хреново?

– Потому что от баб одни неприятности. – Петя пожал плечами. – Мне отец всегда так говорил...

Всю оставшуюся неделю Виталий провел в мучительном ожидании. За это время он действительно ни разу не пил. Визиты в женское общежитие тоже прекратились.

Зато неожиданно для всех, и в первую очередь для самого себя, Виталик начал писать стихи. Это было тем более удивительно, что никаких стихов он сроду не читал, кроме тех, что задавали в школе. Впрочем, их он тоже не читал.

А здесь его словно прорвало.

За четыре дня он исписал четыре ученические тетради по восемнадцать листов. После чего купил еще четыре тетради и очень аккуратно переписал набело все свои произведения.

Все стихи были «про одну девчонку... которая встрети-лась ему абсолютно случайно... и которую он, простой па-цан, полюбил всем своим сердцем горячо».

Лучшим друзьям Пете и Васе, которым Виталий Королев прочитал за один вечер все свои творения, стихи понрави-

лись. Правда, они сочли, что будет лучше исполнять их под гитару.

– После таких стихов любая телка даст, – заржал Вася.

Неожиданно Виталий вскочил с кровати и сгреб Кирьянова за шиворот.

– Она тебе не телка! – заорал он. – Еще раз назовешь ее телкой – урою!

В субботу Виталий тщательно готовился к свиданию. Волосы были тщательно причесаны, рубашка и брюки постираны и отутюжены.

– Ну чего, мужики, я не как полный козел выгляжу?

– Тебе правду сказать или как? – предусмотрительно поинтересовался Кирьянов.

– Вась, не шути. Конечно, правду.

– Ну если правду, то как полный козел. – Кирьянов шмыгнул носом. – Но ты ведь с другой стороны, не к портнихам идешь, у тебя серьезное свидание. Так что все нормально. Смотри только, чтобы тебя местные пацаны за мажора не приняли.

– Меня за мажора? – возмутился Виталий.

– Да легко. Но тебе-то чего переживать? Отмахаешься, если что.

– Ну ладно, мужики, тогда я двинул. – Виталий взялся за ручку двери. – Пожелайте мне ни пуха.

Петя поднялся с кровати.

– Мы тебе пожелаем лучше... – Он достал из кармана пятирублевку. – На, мы с Васьком тут скинулись, ну и у ребят там поспрашивали. – Присядете нормально где-нибудь в кафе, не по улицам же шляться. Да и цветы нормальные купишь.

– Спасибо, ребят. – Виталик взял деньги и убрал их в задний карман брюк. – На кино у меня есть, а кроме этого только на эскимо.

– Ну вот и сводишь ее в кафе-мороженое.

...После ухода Виталия друзья молча курили, рассматривая убогое убранство общажной комнаты.

– Слушай, Кирьян, как ты думаешь, у него нормально там все пройдет? Чего-то у меня предчувствие какое-то хреновое. Я же понимаю, что ты про местных пацанов в шутку сказал, а теперь подумал: вдруг действительно они до него докопаются? Вот ты бы на их месте докопался?

– А при чем здесь я?

– Нет, ну ты просто представь. Приезжает вот, допустим, Лизка с Лесной улицы вечером к нам в Тучково, а с ней вот такой пацанчик в белой рубашке и с цветами. А ты сидишь и куришь и за всем этим наблюдаешь. Понимаешь, что она на свидание ездила, а он теперь ее провожает. Вот ты чего делать станешь?

– Пацанов соберу по-быстрому и объясню, как в чужие места в белых рубашках приезжать с цветами.

– Вот про это я и говорю.

Кириянов помолчал, обдумывая услышанное. Природа не наделила Василия разумом Штирлица, поэтому даже на обдумывание самых простых вещей ему требовалось некоторое время.

– Думаешь, его встретят? – спросил он.

– Могут, – лаконично ответил Бойков.

– И чего делать будем?

– Следом двинем. Витале на глаза показываться не будем, а если что, все-таки три человека – это не один. Они в пять договорились, сейчас без десяти. Успеем?

– Двинули, – согласился Кириянов. – Заодно и на телку посмотрим. А то любопытно.

Виталий с букетом цветов примчался к кинотеатру за двадцать девять минут до положенного срока. Наташи, разумеется, еще не было. Присев на скамейку, Королев достал из кармана пачку «Казбека» и закурил.

Висящие на столбе часы отсчитывали время ужасно медленно.

Без пяти минут пять Виталий почувствовал, что у него сильно вспотели ладони.

Он полез в карман за носовым платком и вспомнил, что забыл его взять. Перспектива оставить жирные отпечатки на тетрадках со стихами причинила Виталию новую порцию страданий.

Когда минутная стрелка перевала через отметку десять,

Виталий понял, что ему чертовски хочется напиться. Напиться до бессознательного состояния, до такого, когда не думаешь ни о чем просто по той причине, что вообще не можешь думать.

Когда Виталий увидел приближающуюся Наташу, он почувствовал себя на седьмом небе. Все нелестные выражения в ее адрес, а также всех представительниц женского пола на свете мгновенно были забыты.

Вскочив со скамейки, Виталий чуть ли не побежал ей навстречу. Правда, в последнюю секунду он вспомнил, что мужчине все-таки необходимо сохранять достоинство, и поэтому пошел относительно неспешным шагом.

Но вот по-дурацки радостного выражения своего лица Виталий скрыть не смог.

– Извини, я опоздала. Мне пришлось посидеть с сестрой. Она маленькая, а мама ушла платить за квартиру, – затараторила Наташа. – А ты давно ждешь?

Виталий повел себя как настоящий мужчина.

– Не очень, – небрежно сказал он.

– Ой, какие красивые цветы!

– Это тебе. – Виталий слегка замялся. – Я... в общем, я очень рад, что ты пришла.

– Я тоже рада. Пойдем в кино?

– Пойдем.

В кинотеатре шла французская комедия «Большая прогулка».

Наташа хохотала вместе со всем залом. Виталий каждой клеточкой своего тела чувствовал ее присутствие в соседнем кресле, но никак не мог решиться положить руку Наташе на плечо. Его хватало только на то, чтобы время от времени поворачивать голову в ее сторону.

Наконец кино закончилось, и Виталий вздохнул с облегчением.

– Может быть, сейчас сходим в кафе-мороженое? – предложил он.

Наташа отрицательно покачала головой:

– Не могу. Обещала родителям, что буду дома в девять.

– Может быть, тогда возьмем по эскимо?

– Давай, – обрадовалась Наташа. – Только я больше люблю «Лакомку».

– Возьмем «Лакомку», – щедро предложил Виталий.

По дороге говорила преимущественно Наташа. О школьных учителях, о том, как она ненавидит Зинку из параллельного класса.

– Она считает, что она самая блатная!

– Эка невидаль, – презрительно бросил Виталий. – А ты зато самая красивая.

Наташа остановилась и внимательно посмотрела на него:

– Ты правда так считаешь?

– Еще бы!

– И я тебя нравлюсь?

Виталий сглотнул.

– Очень нравишься, – хрипло ответил он. – Очень, очень сильно. Правда.

– И ты хочешь со мной гулять?

Виталий понял, что он охрип окончательно, и просто кивнул. Кивок этот, правда, получился очень энергичным.

В воздухе повисла пауза.

– А ты согласишься со мной гулять?

Наташа минутку подумала:

– Только мне обязательно надо будет познакомить тебя с родителями. Знаешь что? Приходи к нам в гости. Завтра, на обед. Я предупрежу маму, и она испечет пирожки.

– Приду, – пообещал Виталий. – Только дай мне твой номер телефона. Чтобы я мог тебе позвонить.

– Давай тетрадку, я тебе запишу.

Наташа взяла у него из рук одну из тетрадей и открыла на последней странице.

Там было записано стихотворение под незамысловатым названием «Стихотворение, посвященное девчонке с прекрасными голубыми глазами».

– Ой, а это что такое? – удивилась Наташа. – Стихотворение? Ты пишешь стихи?

Виталий покраснел.

– Ну-у, в общем, я написал тут немного стихов. Хочешь, возьми почитай.

– А что это за девчонка? – улыбаясь, спросила Наташа.

– Ну-у, почитай, поймешь.

– Обязательно почитаю, спасибо. Я очень люблю стихи. – Она оторвала маленький кусок бумаги. – Давай я тебе телефон здесь напишу и адрес.

Она протянула листок Виталию и быстро поцеловала его в щеку.

– Ну ладно, я побежала. Спасибо, что проводил!

Виталик недоуменно посмотрел по сторонам.

– А ты разве здесь живешь?

– Нет, мне отсюда еще пятнадцать минут пешком.

– Так давай я провожу тебя до дома.

– Спасибо, я дойду. У нас там район опасный. Хулиганы.

«Да я сам хулиган», – хотел было сказать Виталик, но промолчал.

Вместо этого он сказал:

– Плевать я хотел на всех хулиганов!

Неподалеку от Наташиного дома, на детской площадке, расположилась группа подростков. Они бренчали на гитаре и что-то пили из бутылки.

Виталий машинально сосчитал возможных противников. Их оказалось девять человек.

«Нехило», – подумал он.

Они вошли в подъезд, поднялись на четвертый этаж.

– Ну вот теперь ты знаешь, где я живу, – сказала Наташа. – Нормально доберешься?

Вместо ответа Виталий взял ее за плечи и поцеловал в губы. Когда он оторвался, Наташа смотрела на него расширив-

шимися глазами.

– Извини, – сказал Виталий. – Я не должен был этого делать. Просто...

– Что?

– Просто мне кажется, что я в тебя очень влюбился. Понимаешь, по-настоящему...

Наташины глаза засияли.

– Мне кажется, что я тоже... – Она открыла дверь и вошла в квартиру. – А теперь иди. И будь аккуратней.

Дверь давно закрылась, а Королев все еще стоял, ощущая на губах вкус поцелуя.

– Она тоже меня любит, – тихо произнес вслух Виталик. – Она тоже меня любит.

Повторяя эту фразу, он начал спускаться по лестнице. Но чем ниже он спускался, тем больше его мысли занимала расположившаяся на детской площадке компания. Там было темно, но фонарь на столбе освещал часть двора.

Меньше всего Виталию сейчас хотелось драться. Он ни капли не боялся, хотя прекрасно отдавал себе отчет в том, чем закончится эта схватка.

В своей жизни Виталий дрался много. И драться он умел. Бывало, что и его избивали несколько человек. Один раз в драке с пацанами из соседней деревни ему даже сломали руку.

Виталий улыбнулся, вспомнив, что после этого он два месяца ходил по деревне в гипсе, словно герой.

«Пробьемся, – подумал Виталий, выходя во двор. – Не на того напали».

Виталий закурил папиросу, сунул ее в уголок рта и, не торопясь, пошел по дороге. Когда до детской площадки оставалось метров тридцать, треньканье прекратилось.

«Хорошо, если у них цепи нет, – подумал Виталик. – Не должно быть, они же не готовились к драке. Просто сидят, культурно отдыхают».

Детская площадка находилась от него по левую руку, за ней был какой-то дощатый забор с большой дырой посреди-не.

«Главное, если кинутся, не попасть туда, – думал Виталий. – Они начнут меня оттеснять именно к этому забору. Если попаду внутрь, то точно крышка. Черт, почему я не взял с собою нож!»

Нож у него был классный, выкидной, с кнопкой на рукоятке. Его когда-то подарил Виталику двоюродный брат Генка, когда две недели гостил у них в Тучкове. Генка был старше Виталика на семь лет и жил далеко в Сибири, в Иркутской области.

– На, – сказал ему Генка перед отъездом. – Это тебе на память. На память и для самозащиты. Носи всегда при себе и от любых гадов сумеешь отбиться. Но только помни одно главное правило: если видишь, что можешь справиться без ножа, не доставай. А вот если достанешь, тогда бей. С ножом по-другому нельзя, иначе он против тебя обернется.

Почему же он сегодня не взял его?

На детской площадке началось какое-то движение.

Виталий увидел, как там поднялись четверо и вразвалочку двинулись ему наперерез. Еще четверо стали обходить его сзади.

«Значит, там остался один, – подумал Виталик. – Основной. Этот подойдет после того, как меня отрежут. Надо будет в первую очередь постараться вырубить его. Если вдруг получится, то считай, что полдела сделано».

Виталий остановился.

Четверка впереди тоже остановилась неподалеку от него. Сзади шаги тоже прекратились. Виталий равнодушно оглядел стоящих впереди, про себя отметив, что этих четверых он вполне мог бы вырубить и в одиночку. Обернулся. А с этими будет посложнее. Трое так себе, а вот четвертый здоровенный амбал.

«На Маяка похож, – подумал Виталик. – Сколько ни бей по роже, все по фигу».

Маяком звали его приятеля из Тучкова, дома у которого друзья постоянно зависали. Круглую ночь на втором этаже у него горел огонь, за что Маяк и получил свою кличку. Больше всего он был знаменит тем, что каждый раз, напираясь самогона, предлагал любому с трех раз его вырубить. Насколько было известно Виталию, это не получилось ни у кого. А вот кончил Маяк плохо. Подсел на «винт», потом на героин. А потом умер.

«И было ему тогда семнадцать лет, – подумал Виталик. – Тогда казалось много, а мне самому скоро семнадцать будет».

Он снова посмотрел в сторону детской площадки. К нему приближалась еще одна фигура.

«Тоже здоровый, – подумал Виталий. – И наверняка при кастете».

«Основной» приблизился и остановился в двух метрах. Теперь, при свете фонаря, Виталий мог хорошо разглядеть его лицо.

Парень был выше его примерно на полголовы, на лице презрительная усмешка.

– Что же это с нами не здороваются? – поинтересовался он у своих. – Нам это обидно. – Он перевел взгляд на Виталия. – Здороваться полагается, когда в чужое место приходишь.

Отступить было некуда.

– Это тебя уркаганы так разговаривать научили, когда ты у них шестерил? – улыбаясь, спросил Виталий. – Или, может, подслушал где? Сам-то на блатного не тянешь.

– Сявка вякает? – делано удивился парень, по-прежнему обращаясь к своим. – Ты что же, сявка, вякаешь?

– А мы нагнем его раком, – заржал кто-то сзади, – и будет все пучком.

Остальные тоже заржали.

– Раком тебя нагибать будут, – не оборачиваясь, парировал Виталий. – Когда в камере парашу зубной щеткой драить

будешь.

Смех прекратился.

– Слушай, Метис, чего мы с ним телимся? – снова прозвучал тот же голос.

И все заговорили одновременно:

– Отмудохать его надо.

– Дерьмо жрать заставим.

– Тихо! – прикрикнул Метис.

Гомон стих.

– Мы же не шпана какая-нибудь. Дадим человеку возможность извиниться. Мы уважаем смелых пацанов. И всегда рады гостям. – Он сделал паузу. – Мы только хамов не уважаем. Не уважаем и не любим.

Прекратив речь, он выжидающе посмотрел на Виталия.

Виталий выдержал его взгляд спокойно.

– Ну так как, мы желаем извиняться?

– А мы перед мудаками не извиняемся, – ответил Виталий. – И хамов тоже не уважаем и не любим.

Метис усмехнулся и медленно отвернулся.

«Сейчас кинется и ударит», – мелькнуло в голове Королева.

Он сам рванулся к Метису. И вовремя успел. В следующую секунду Метис повернулся и нанес резкий удар, метя Виталию в голову.

Но тот нырнул ему под руку и что было силы нанес сокрушительный удар снизу в челюсть.

Метис повалился назад.

Это длилось буквально считанные секунды, и все остальные как стояли на своих местах, так и остались. Никто из них не ожидал такого поворота.

Виталию была прекрасно известна система группового избиения. Вначале «основной» вырубает жертву, потом остальные ее добивают. Пока они стояли, тупо наблюдая за происходящим, у Виталия появился шанс добраться до трансформаторной кабины.

Бежать было недалеко, метров пятьдесят. Виталий бежал и слышал, что они наконец опомнились и рванули за ним. Единственным, что его радовало в этой ситуации, было то, что в общем гомоне он не слышал голоса Метиса.

«Хорошо попал, – думал Виталий. – Минут десять проваляется. А то и пятнадцать. Но не больше, он крепкий».

Королев бежал и пытался увидеть под ногами хоть что-нибудь, что можно было использовать для самообороны.

«Что-нибудь должно быть, – думал Виталий. – Что-нибудь всегда есть...»

До трансформатора оставалось каких-нибудь двадцать метров, когда Виталий увидел впечатанный в землю кусок арматурного прута.

Преследователи неслись следом.

Он схватил железный прут и, с ходу развернувшись, описал им резкую дугу. Прут со свистом рассек воздух, никого не задев. Они были еще слишком далеко.

Увидев в руке Виталика оружие, боевая мощь которого каждому из них была прекрасно известна по личному опыту, преследователи затормозили и выгнутой цепью начали обходить его.

Внимательно следя за каждым, Виталий отступал к стене. Почувствовав ее холодную поверхность, он перевел дыхание.

– Первому, кто приблизится, проломлю череп, – честно пообещал он. – Ну давайте, сосунки, кто хочет попробовать. Он снова со свистом рассек прутom воздух.

Они отшатнулись. Но продолжали стоять. Восемь пар ожесточенных глаз смотрели на Королева, пытаясь выбрать момент для нападения.

Виталий еще пару раз махнул арматурой.

Он понимал, что без своего жоака они растерялись. Попасть под раздачу никому из них не хотелось. Но он также знал, что рано или поздно Метис очухается, а он уж наверняка сумеет заставить собственную шоблу броситься на него.

Несколько минут прошли в молчаливом противостоянии, а потом за их спинами Виталик увидел приближающуюся высокую фигуру. Это был Метис.

«А вот сейчас начнется самое интересное», – мелькнуло в голове у Виталия.

– Мочите суку! – крикнул Метис издали. – Чего телитесь? Но они пока не двигались.

– Ну все, сука! – злобно прошипел Метис.

Его глаза сузились в щелочки, и Виталий понял, почему он получил такое прозвище.

Идеальным вариантом сейчас было бы попасть арматурой по Метису, но тот, предусмотрительно держался на недосягнутом расстоянии.

Поскольку никто не двигался, Метис усмехнулся.

– Ты теперь крутой! Но мы тебя все равно достанем. – Он обернулся к своим. – Гуня, Косой, бегите за цепями. А мы пока последим, чтобы он никуда не делся.

Все довольно заржали. Поняли, что теперь развязка – это всего лишь дело времени. Понял это и Виталий.

Несколько минут прошли в ожидании, а потом внезапно в той стороне, куда убежали Гуня и Косой, послышался шум борьбы и сочные звуки ударов...

И в следующую секунду Виталик понял, что он спасен.

– Виталь, держись! – донесся до него громкий крик Пети Бойкова. – Мы уже идем, сейчас наши пацаны подтянутся!

В ряду нападавших возникла паника, которой Виталик не преминул воспользоваться. С арматурой наперевес он ринулся прямо на Метиса, но на этот раз тому удалось увернуться...

Драка прекратилась только тогда, когда вдалеке послышались милицейские сирены. Менты были всеобщими врагами...

Все трое друзей сидели в своей комнате в общежитии и по

очереди рассматривали в зеркале собственные физиономии со следами недавнего побоища.

– Могло быть и хуже, – констатировал Бойков.

Его лицо украшал внушительный синяк, в верхнем ряду не хватало одного зуба.

– Могло, – согласился Вася Кирьянов. – Только я, по ходу дела, палец сломал.

– А ты видел, как я врезал тому здоровому уроду?

– Классно! А ты сразу понял, что ему надо бить по яйцам?

– Какой сразу? Я ему вначале два раза по репе саданул, а ему все по барабану. Здоровый лось.

– А ты видел, как я...

Виталий Королев в разодранной рубашке сидел на кровати и недоуменно смотрел на своих друзей.

– Молодец, Виталь, что сумел до нас продержаться. – Петя хлопнул его по плечу.

Виталий поморщился от боли.

– Чего, болит? – сочувственно спросил Бойков. – Да ладно. – Он подмигнул Кирьянову. – До свадьбы заживет.

Наконец Виталий вышел из ступора.

– Мужики, а вы-то как там оказались?

Оба друга радостно засмеялись.

– Неожиданно, да?

– Неожиданно, – согласился Виталий.

– Зато вовремя.

– Вовремя, – не мог не согласиться Королев.

Лицо Бойкова сделалось серьезным.

– Слушай, Виталь, не думаешь же ты, что мы тебя отпустим хрен знает куда в одиночку? – Петя сделал паузу. – Ты же наш лучший друг.

– Вы что, пасли нас с Наташей с самого начала?

– Прямо от кинотеатра. – Кирьянов ухмыльнулся. – На всякий случай. Видишь, не зря старались. – Кирьянов помолчал. – А девчонка действительно классная. Что она тебе сказала?

Несмотря на боль во всем лице, Виталик сумел кое-как улыбнуться:

– Сказала, что тоже в меня влюбилась. Пригласила к ним на обед, чтобы познакомить с родителями.

Кирьянов скептически осмотрел лицо Королева.

– Ну и рожа у тебя, Шарапов! – сказал он голосом капитана Жеглова. – Ох, рожа. Родители будут в восторге.

– Да черт с ней, с рожей, – махнул рукой Виталик. – Позвоню, скажу, что не могу.

Он поднялся с кровати.

– Мужики, я вам должен кое-что сказать.

– Что ты собираешься жениться на Наташе, – засмеялся Кирьянов.

– Нет. – Виталик помолчал. – Мужики, Петро, Васек... я хотел вам сказать, что сегодня вы спасли мне жизнь. Подождите. – Он предупреждающе поднял руку, видя, что ему хотят возразить. – Вы должны знать, что если, понадобится,

вы всегда можете на меня рассчитывать.

– Все в порядке, Виталь, – серьезно сказал Бойков. – Это нормально. Ты на нашем месте поступил бы так же. Ладно, пошли умываться.

Он встал с кровати и пошел к двери.

– Петро, кстати, а что это за пацаны? – спросил Виталий.

– Какие пацаны? – удивленно обернулся Бойков. – Я думал, ты сам знаешь.

– Да нет, не эти. А те, которые должны были подтянуться. Ну ты еще кричал об этом.

– Виталь, тебе чего, мозги отбили? Не было никаких пацанов. Это мы так крикнули, для понта. Ладно, пошли умываться. А то сейчас комендант развоняется.

«Классно – иметь настоящих друзей!» – думал Виталий.

Глава четвертая

Летом, после того как закончилась практика, Бойков и Кирьянов уехали к себе в Тучково. Виталик Королев остался во Владимире. Он устроился дворником, и ему разрешили жить в общежитии.

Их отношения с Наташей окрепли и превратились в самый настоящий роман.

С Наташиными родителями Виталик сумел познакомиться лишь через две недели после той памятной драки, когда у него окончательно зажило лицо. Интеллигентные родители были не в восторге от выбора дочери и от перспективы получить в зятя учащегося строительного ПТУ, но перечить не стали.

Они решили, что Наташа сама рано или поздно поймет, что Королев – не самый лучший выбор в этом мире. Но прошло полгода, а влюбленные и не думали расставаться.

Виталий снова начал повсюду ходить с ножом. Однако стычки с Метисом и его компанией больше не повторялись. Хотя, провожая Наташу, Королев частенько видел на детской площадке всю местную уличную гвардию и слышал ставшее уже привычным треньканье раздолбанной гитары. Его перестали замечать.

Иногда он сталкивался лицом к лицу и с самим Метисом. Каждый раз тот возникал внезапно, из-за угла. Они молча

разглядывали друг друга, а потом расходились в разные стороны.

Пару раз Виталий привозил Наташу в Тучково. Они гуляли, ночами просиживали возле костра вместе с Бойковым, Кирьяновым и другими ребятами из их компании.

В одну из таких поездок Виталий и Наташа впервые занялись любовью.

– В следующем году я ухожу в армию, – сообщил уже под утро Виталий.

– Я буду тебя ждать.

– Когда я вернусь, я хочу, чтобы мы поженились? – Виталий посмотрел на Наташу. – Ты выйдешь за меня замуж?

В глазах Наташи показались слезы.

– Конечно, выйду, глупый. – Она обвила его руками за шею. – Конечно, выйду. И мы всегда-всегда будем вместе.

– Я стану работать, найду что-нибудь приличное. Сейчас время меняется, можно будет нормально заработать. Вон Лешка, мой знакомый, в коммерческий ларек продавцом устроился. Получает кучу бабок.

– Ты сможешь устроиться кем-то лучше обычного продавца.

– Со временем да, а для начала и это неплохо. Накоплю денег, заведу собственный ларек.

– И чем будешь торговать? – улыбнулась Наташа.

– Да не знаю. Всем, чем другие торгуют. Заграничное ба-
рахло, жвачка, сигареты... – Виталий приподнялся на лок-

те. – Потом знаешь, чего мне еще нравится? Переводилки на майки, которые утюгом гладить надо. Ну с группами разными или со всякими прикольными надписями. – Он оживился. – Понимаешь, их продают по отдельности. В одном месте покупаешь переводилку, в другом майку и сам дома все делаешь. А если взяться за это серьезно, то можно продавать уже готовые майки. Знаешь, как их покупать кинутся?

– А чего же, если это так выгодно, никто этим не занимается? – с иронией спросила Наташа.

– Дураки потому что. Лишний раз напрягаться не хотят. К тому же почему ты считаешь, что этим никто не занимается. Вон в Москве на Арбате сколько народу стоит! И впаривают иностранцам все, чего только можно, за валюту. Шапки военные, матрешек, майки такие вот с Горбачевым, Лениным, Брежневым. Только я на Арбате торговать не хочу.

– Почему?

– Ну, во-первых, там своих полно. Конкуренция. А во-вторых, ну скольких иностранцев ты за день поймаешь? Трех-четырёх. Ну, может, человек шесть, если повезет. – Виталик задумался. – Нет, я так не хочу. Я хочу заниматься чем-нибудь более масштабным.

Наташа влюбленно посмотрела на Королева:

– Наполеон.

– А почему бы и нет? – усмехнулся Виталий. – Знаешь, я, когда в школе учился, любил уроки по истории. Особенно про древний мир. Знаешь про такого Александра Македон-

ского?

Наташа с трудом сдерживала смех.

– Что-то слышала.

– Был такой царь до нашей эры, – воодушевленно стал рассказывать Виталий, – когда еще рабы были. А отец у него тоже был царь, и такой тоже знаменитый полководец. И когда Александр рос, то он думал, что отец все завоюет и ему ничего не останется. А потом вырос и сам весь мир завоевал.

– А кто тебе больше нравился: Александр Македонский или Наполеон? Кем бы ты хотел стать, если бы мог?

На минуту Виталик задумался.

– Знаешь, когда Александр Македонский, это здорово. Ну то есть просто то время мне больше нравится. Но Наполеона я все-таки уважаю больше.

– Почему?

– Потому что Македонский был царь, у него с рождения все было. А Наполеон, он сам всего добился. – Виталий засмеялся. – Вот если бы я родился царем, я хотел бы быть похожим на Македонского, но я им не родился.

– Поэтому придется быть похожим на Наполеона? – засмеялась Наташа.

– Точно.

– С какой-то стороны ты можешь считать, что ты родился царем. Твоя же фамилия Королев, от слова «король».

– Это всего лишь фамилия. – Он погладил ее по волосам. – Ты сейчас очень красивая.

– Только сейчас? – кокетливо спросила Наташа.

– Нет, всегда. Но сейчас особенно.

– Это потому что я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю.

...Королев не появлялся в Тучкове больше месяца.

Несколько раз Бойков хотел съездить к нему во Владимир, но так и не собрался. Летняя жизнь в деревне не располагала к активным действиям. Весь этот месяц Петя провел на пляже.

Виталий объявился внезапно.

И совсем не такой, каким Бойков ожидал его увидеть.

Петя как раз выходил из магазина, когда его внимание привлекла сильно шатающаяся фигура человека, пытавшегося сойти с платформы.

Когда Петя сообразил, что этот человек не кто иной, как Виталий Королев, его изумлению не было предела. За последние полгода Бойков ни разу не видел друга пьяным. Тот честно держал свое обещание, данное Наташе, и перестал пить даже пиво. Но сегодня, судя по его состоянию, Королев пил не только пиво.

Петя быстро пошел к станции.

– Виталь, чего с тобой случилось?

Королев, все еще державшийся обеими руками за поручни лестницы, поднял голову и мутно посмотрел на Петю:

– Чего надо?

– Виталь, это я!

Минуту Королев бессмысленно смотрел на Петю, потом по его горлу прошла судорога, и Виталия начало рвать.

Шум приближающегося поезда со стороны Москвы заглушил утробные звуки и отвлек Бойкова от наблюдения за мучениями друга.

«Вот черт, – подумал Петя, – сейчас все сюда двинутся. И каждая сука что-нибудь скажет».

На подходе к станции поезд издал мощный гудок.

– Хорошо, что скорый, – сказал Петя, обращаясь к Виталию. – Может, тебя по спине похлопать?

Виталий отрицательно замотал головой и начал кашлять, избавляясь от остатков рвоты.

Наконец он плюнул последний раз и посмотрел на проносящиеся мимо вагоны, за окнами которых сидели люди.

– Уроды, – злобно сказал Виталий, когда поезд промчался мимо. Он перевел взгляд на Петю. – Здорово, Петро. Пошли, выпьем.

– Может, тебе хватит?

– Не хватит. – Виталик вытер тыльной стороной ладони губы. – Деньги у меня есть.

Далеко решили не ходить. Расположились тут же, около платформы, на полянке.

Поняв, что задавать вопросы бесполезно, Бойков молчал, дожидаясь, пока Виталий придет в более или менее нормальное состояние и заговорит сам. Наконец не выдержал:

– Вы что, с Наташкой поругались?

Ответа не последовало.

– Слушай, не надо так убиваться. Поругались – помирись. Обычное дело.

Виталий продолжал смотреть в одну точку и курил.

«Черт, хотя бы Васек был здесь, – подумал Петя. – Вдвоем бы мы быстрее расшевелили».

Он внимательно посмотрел на Виталия, пытаясь по выражению лица друга определить причину происходящего с ним.

Что-то в нем было не так, но Петя никак не мог сообразить, что именно.

Безжизненный взгляд? Мертвые глаза?

Да, но Бойков уже видел у Виталика такие глаза. Это было давно. Но было. Дрожащие руки?

Он же видел, как у Виталия дрожали руки. А учитывая, сколько тот выпил, ничего странного в том, что у него дрожат руки, не было.

Виталий продолжал курить. И неожиданно Петя понял, что же именно не так.

На правой руке Королева, сантиметрах в двадцати выше ладони, был жуткий шрам, покрытый коркой запекшейся крови. Будто кто-то впился зубами Виталию в руку и не разжимал челюсти до тех пор, пока не прокусил ее насквозь.

Петя почувствовал, как от этого зрелища его охватывает ужас.

Он взял у Виталия бутылку и сделал несколько глотков

подряд.

– Что у тебя с рукой? – хрипло спросил он, возвращая бутылку Королеву.

Этот вопрос словно пробудил Виталия от спячки и вернул к реальности.

– Натаха умерла, – ответил он, по-прежнему глядя мимо Бойкова.

Петя поперхнулся:

– Как «умерла»?

– Вот так и умерла, – пожал плечами Виталий. – Как все люди умирают?

– Когда?

– Три дня назад похороны были.

– А почему ты не сказал раньше?

Наконец-то Виталий посмотрел Пете прямо в глаза. На Бойкова дохнуло холодом.

– А зачем?

– Ну как? Мы же ее тоже знали. А как это произошло?

– Какая теперь разница. – Виталий помолчал. – Знаешь, Петро, я же все это время по городу носился как ненормальный. Не знал, куда деться. Вообще не знал, что делать. Очень жалел, что вас с Васьком нет. И все-таки не мог найти силы сразу сюда приехать. Хотел, но не мог. Водку жрал все это время. Видишь, только сегодня смог влезть в электричку и доехать. Понял, что, если не поговорю с кем-нибудь из своих, просто сойду с ума. Я ведь даже повеситься пытался. –

Виталий усмехнулся. – Но не вышло. Видать, Господь Бог от меня еще чего-то ждет.

Бойков слушал Виталия, смотрел на его руку, и у него зарождалась страшная догадка.

– Понимаешь, Петро, – продолжал тем временем Виталий, – когда Натаха умерла, я вдруг сразу очень многое понял.

– Что именно?

– Очень многое. Про жизнь. Вообще про все. Я понял, что я живу не так, как надо.

– А как надо?

– Этого я еще не понял. – Виталий покачал головой. – Но понял, что все надо в жизни менять. Я не вернусь больше в училище. В Москву поеду.

– Все равно тебя через год в армию заберут.

– Не заберут, – снова усмехнулся Виталик. – Найду способы отвертеться.

Он закурил новую папиросу, и вновь перед Петиными глазами мелькнул рваный шрам. Бойков сглотнул.

– Что у тебя с рукой?

– Прокусил.

Петя закашлялся.

– То есть как «прокусил»? Сам?

– Ну а кто же еще?

– Зачем?

– Жертва. Помнишь, нам на истории рассказывали, как

древние люди приносили других людей в жертву? Я ведь, когда вешался, тоже хотел принести себя в жертву. А Бог не дал мне повеситься. Я тогда взял и прокусил себе руку. Это как бы Богу за то, что он мне жизнь оставил.

В другое время Петя принял бы эти разговоры Виталия за пьяный базар или подумал, что тот накурился конопли. Но он понимал, что это не так.

И все-таки Петя успокоился. При всей трагичности ситуации одно было хорошо: Виталий не убивал Наташу. Еще десять минут назад Бойков подозревал лучшего друга в этом, а сейчас ему было мучительно стыдно за себя.

Он хлопнул друга по плечу:

– Знаешь, Виталь, я ведь когда этот шрам увидел вначале, то подумал... – Петя осекся.

Глаза Королева сузились.

– Что подумал?

– Да нет, ничего. – Петя закурил новую папиросу. – И когда ты собираешься в Москву ехать?

– Зайду к матери, а потом еще одно дело есть... Во Владимире.

– Где устроишься?

– Не знаю, – пожал плечами Виталий. – Устроюсь где-нибудь.

Они допили бутылку. Королев за это время, к удивлению Пети, окончательно пришел в себя и выглядел вполне нормально.

Они вместе дошли до его дома. Остановились у ворот.

– Ладно, Петро, давай. – Виталик протянул ему руку. –

Хорошо, что встретились.

– Ты заходи. Сегодня вечером или завтра.

– Завтра... – неопределенно повторил Виталий. – Завтра будет видно. – Он открыл калитку. – Ладно, еще увидимся.

В голосе Королева Петя не услышал никакой уверенности. Но в тот момент он отнес это на общее нетрезвое состояние друга и его расстроенные чувства.

О том, что произошло, Петя узнал лишь спустя две недели, когда в доме Бойковых появился участковый и вручил ему повестку. Петя должен был явиться на допрос к следователю.

Мать, увидев повестку, охнула и стала медленно опускаться на стул.

– Я так и знала, что этим кончится.

Петя вертел повестку в руках, пытаясь понять, зачем он понадобился следователю.

– Да не переживайте вы так, – махнул рукой участковый. – Ничего он не сделал. Вызывают в качестве свидетеля. – Он перевел взгляд на Петю. – А вот дружок твой отличился.

Бойкову не понадобилось много времени, чтобы понять, о ком идет речь.

– Какой дружок? Виталик?

– Он самый. Да ты и сам уже, я вижу, все знаешь.

– Не знаю, – отрицательно покачал головой Петя. – А что он сделал?

– Вот придешь к следователю, он тебе все и расскажет. А я не могу. Должен сохранять конфиденциальность.

Следователь оказался невысоким полысевшим мужчиной средних лет с утомленным выражением лица. Серый костюм, под ним такой же серый джемпер под горло.

Перед тем как его вызвали в кабинет, Пете пришлось целых полчаса просидеть в коридоре. Все это время он чувствовал себя крайне неудобно.

Мимо постоянно проходили люди, преимущественно в штатском. Каждый из них, проходя, бросал на Бойкова оценивающий профессиональный взгляд, пытаясь определить, что именно он натворил. И от каждого такого взгляда Петина уверенность в том, что он вызван в качестве обыкновенного свидетеля, таяла. Ему стало казаться, что это всего лишь хитроумный ментовский ход, чтобы заманить его в это здание. И, несмотря на то что он прекрасно понимал всю абсурдность своего предположения (действительно, зачем милиционерам пускаться на такие ухищрения, когда они в любой момент могли просто арестовать его, если бы им это понадобилось?), мысль о том, что его в чем-то подозревают, продолжала упорно сверлить мозг.

Тем более что Петя знал – его есть в чем подозревать.

Потом эта мысль внезапно сменилась следующей. Петя почувствовал зверскую злость к Виталику.

«Кретин! – думал Бойков. – Он во что-то вляпался, а я должен отдуваться! А если он расколется и наплетет им про Славку? Менты умеют колоть. Как это в „Черной кошке“? У них там на Петровке и не такие кололись? Значит, меня тоже посадят? Кретин!»

Он почувствовал, как у него вспотели лоб и подмышки.

Несмотря на жару, мать настояла, чтобы он пошел к следователю в костюме и в галстук. И в этот раз Петя не стал с ней спорить.

Теперь ему было жарко. Он чувствовал, как по рубашке расползаются мокрые пятна. Галстук плотно стягивал горло.

Петя слегка ослабил узел. В этот момент его позвали к следователю.

Кроме самого следователя в комнате была секретарша, которая барабанила на машинке и не удостоила вошедшего взглядом. На подоконнике сидел еще один человек.

Этот человек курил сигарету и, в отличие от секретарши, осмотрел Бойкова с ног до головы. Ему понадобилось на это не более трех секунд. Пете показалось, что человек ухмыльнулся.

Ему сделалось еще жарче, он подошел к столу:

– Здравствуйте.

Следователь поднял голову:

– Здравствуй. Присаживайся.

Петя уселся на предложенный ему стул.

Следователь еще добрых пять минут копался в своих бу-

магах, потом отобрал несколько чистых листов и посмотрел на Бойкова.

– Ну что же, давай начнем. – Он выдержал паузу. – Ты уже знаешь, что произошло?

Петя отрицательно покачал головой.

– Ладно, тогда давай с самого начала. Бойков Петр Алексеевич?

– Да.

– В данный момент вы вызваны в качестве свидетеля по делу Королева Виталия Елисеевича. Для начала подпиши вот здесь. – Он протянул Пете листок. – Можешь прочитать, если хочешь. Это об ответственности за дачу заведомо ложных показаний.

Петя рассеянно пробежал листок глазами.

– А что сделал Виталик?

– Вопросы здесь задаю я, – отрезал следователь, наблюдая, как Петя выводит собственную фамилию.

Петя замолчал.

– Давно вы знакомы с Королевым?

– С детства.

– И что вы можете о нем сказать?

– Он мой друг. Лучший.

– С Шакировым Алексеем Сергеевичем знаком тоже?

– Нет, – пожал плечами Петя. – Этого я не знаю.

Машинка секретарши застучала с удвоенной силой.

– Подумайте хорошенько. – Следователь внимательно по-

смотрел на Бойкова. – Может быть, вы когда-нибудь слышали кличку Метис?

– Да нет, не слышал. – Петя посмотрел на человека, сидящего на подоконнике. – Я бы вспомнил.

– То есть у вас нет ни малейших соображений, почему ваш лучший друг Виталий Королев убил Шакирова Алексея Сергеевича?

– Нет.

– Когда вы видели его в последний раз?

– Две недели назад.

– При каких обстоятельствах?

– Он приезжал в деревню. – Петя помолчал. – Он был очень пьян.

– Значит, две недели назад? А Шакирова он убил спустя два дня. Королев объяснял вам причину своего состояния?

– У него умерла девушка.

– Коновалова Наталья Аркадьевна?

– Я не знаю ее фамилию. Но звали Наташа.

– А вы с ней знакомы.

– Да, где-то полгода. С тех пор как Виталик с ней познакомился. Чуть-чуть поменьше.

Человек, сидевший на подоконнике, кашлянул.

– А Королев рассказывал вам, как она умерла?

– Нет. – Петя посмотрел на человека, потом на следователя. – Он сказал – просто умерла. Как все люди умирают.

Оба помолчали.

– Если бы все люди так умирали, то жить было бы страшно, – произнес человек на подоконнике. – Она умерла в больнице, от потери крови. – Он выдержал паузу. – Ее изнасиловали. Мы подозреваем, что это сделал Шакиров. И за это Королев убил его. Но сам Королев молчит. Молчит, хотя ему объяснили, что это убийство квалифицируется как особо тяжкое.

– Особо тяжкое... – машинально повторил Петя.

– Он нанес Шакирову семнадцать ножевых ранений. Продолжал бить даже после того, как Шакиров был уже мертв. Ему вышка светит.

– Вышка?..

– Именно так.

В следующий раз Петя увидел Виталия только в зале суда. Там же находились родители Королева и Вася Кирьянов.

Виталий сидел в клетке, обритый наголо, и, казалось, находился мыслями где-то очень далеко. За все время, пока длилось слушание, Петя всего лишь раз столкнулся с ним взглядом. Виталий слегка кивнул ему и снова ушел в себя.

К высшей мере его не приговорили. В результате следствия было установлено, что Королев действовал в состоянии аффекта, и суд приговорил его к десяти годам лишения свободы.

Свою роль сыграло и то, что мать Виталия почти месяц ходила по следственным органам и выясняла, от кого могло

хоть что-нибудь зависеть.

Во время оглашения приговора Виталий держался спокойно. Он выслушал решение судьи, не дрогнув ни единым мускулом. Когда ему предоставили последнее слово, он произнес всего лишь одну фразу:

– Я сделал то, что должен был сделать.

А когда милиционеры уводили его, Петя Бойков подумал о том, что он видит Виталия Королева в последний раз. На Петю навалилась чудовищная тоска, захотелось убежать и напиться до потери сознания...

Вечером они сидели вдвоем с Кирьяновым. Оба молчали, поскольку говорить было не о чем. Все это время Петя вспоминал свой последний разговор с Виталиком, о том, как тот собирался уехать и начать новую жизнь.

Петя Бойков мучительно понимал, что и он теперь не сможет жить, как прежде. Не сможет вернуться в училище, в их общую комнату. Не сможет ходить по тем местам, которые будут напоминать ему о Королеве.

– Я, наверное, уеду, – произнес Петя. – А то тошно.

– Тошно, – согласился Кирьянов. – Когда вернешься?

– Не знаю. Хотелось бы никогда.

– А чем займешься?

Неожиданно Петя вспомнил статью из газеты, которую он читал во Владимире.

– Попробую поступить в погранучилище. Отправят куда-нибудь на Дальний Восток или в Среднюю Азию. Не могу

я здесь.

– А примут?

– Не знаю, других же принимают. – Петя оживился. – Слушай, Васек, а поехали поступать вместе? Веселее учиться будет. А не поступим, все равно ведь ничего не теряем.

Кириянов сосредоточенно почесал затылок:

– Вообще-то я об этом никогда не думал.

– А я что, думал?

Кириянов посмотрел на Петю и пожал плечами:

– Ну поехали. Погранучилище так погранучилище. Один хрен. Все равно через год в армию.

Так закончилось лето 1987 года. Вместе с ним окончательно ушла и юность...

Часть вторая

Глава первая

2005 год.

Патрулирование дороги достаточно тоскливое занятие. Особенно если патрулировать надо на мотоцикле.

В машине еще куда ни шло. Можно сидеть, слушать музыку, пить кофе. И вообще в машине не дует. Мотоцикл совсем другое дело.

Между двумя старшинами дорожно-патрульной службы разговор в данный день шел именно об этом.

– У американских полицейских в фильмах хорошие мотоциклы, – тоном знатока объяснял старшина Вадим Казарин своему коллеге. – Не то что у нас.

– Да ты не патриот, – шутил второй.

– При чем здесь патриот – не патриот? – горячился Казарин. – Я говорю как есть. Их мент на мотоцикле едет – его все уважают, а нас с тобой кто уважает?

– Ты так говоришь, будто в Америку каждый день ездешь.

– А зачем мне ездить? Я в кино видел.

Миша Давиденко усмехнулся:

– Кино – это одно, а жизнь – другое. У них в кино все красиво выглядит. А в реальности наверняка такое же дерь-

мо, как и у нас.

Казарин наморщил лоб и принялся обдумывать услышанное.

– Не хочешь же ты сказать, будто они в Америке выпускают красивые мотоциклы только для того, чтобы показывать их в кино? А для обычной жизни они выпускают другие мотоциклы?

Давиденко вздохнул: Казарин мог спорить бесконечно. Каждый раз он выбирал для себя какую-нибудь совершенно бессмысленную тему и начинал развивать ее так горячо, как если бы она имела для него первостатейное значение.

– Я только хочу сказать, что в кино, которое ты смотришь, эти мотоциклы выглядят красиво, потому что американцы вкладывают большие деньги в спецэффекты. А вот если бы ты увидел этот мотоцикл на американской улице, то, может быть, даже и не узнал бы его. В жизни он был бы грязным, обшарпанным, с погнутыми крыльями. Вот в каком фильме ты видел самый крутой мотоцикл?

Долго думать Казарин не стал.

– В «Терминаторе», – сказал он с уверенностью. – Во второй части. На котором жидкий терминатор ездил. Да и «харлей» там тоже неплохой.

– А вот подумай о том, почему после всех погонь и прыжков этот мотоцикл выглядит точно так же, как и вначале? И вообще как будто он только что с конвейера сошел?

Казарин снова задумался. Но на этот раз то, о чем он ду-

мал, ему категорически не нравилось. Что-то не складывалось в его теории о превосходстве американских мотоциклов, и он никак не мог сообразить, что именно. Он понимал, что Давиденко подловил его на какой-то незначительной мелочи, но вот на какой?..

– Хочешь сказать, это из-за спецэффектов? – неуверенно произнес он.

– А из-за чего же еще? Вот если тебя в американский фильм вставить, ты тоже будешь как Шварценеггер выглядеть.

От мысли, что щуплый Казарин будет выглядеть как Мистер Олимпия, Давиденко стало смешно.

Его смех вызвал у Казарина новое желание спорить.

– Хорошо, – нашел он новый аргумент, – а американские машины тоже хуже наших?

– При чем здесь машины? – удивился Давиденко. – И при чем здесь лучше – не лучше? Я тебе сказал только, что то, как мотоциклы выглядят в фильмах, и то, как они выглядят на самом деле, – это две разные вещи. Ты с этим согласился?

– Ну допустим, – неохотно согласился Казарин.

– Ну и все!

Давиденко отвернулся от коллеги и посмотрел на пустынную дорогу.

– Ох, райончик! – произнес он. – Вообще никого нет.

В жизни часто происходят такие случаи, про которые говорится – сам накликал. Или, как об этом сказано в русском

фольклоре, не было у бабы забот, купила себе баба поросю. Сейчас был именно такой случай.

Из-за поворота с визгом вырулила черная «Волга» и стремительно понеслась в их сторону.

– Да они что, охренели, что ли? – возмутился Давиденко. «Волга» пронеслась мимо растерявшихся патрульных и стала быстро удаляться.

Вскочив на мотоциклы, Давиденко и Казарин ринулись в погоню.

– Внимание всем машинам, – торопливо говорил Давиденко в микрофон. – По улице Карповича в сторону МКАД движется черная «Волга». Примите средства к задержанию, в машине могут находиться вооруженные преступники.

Автомобиль вообще не самое надежное средство передвижения. Каждому гражданину это прекрасно известно из передач «Дорожного патруля». Но по сравнению с мотоциклом автомобиль так же надежен, как четырехколесная телега, в которую запряжена самая спокойная лошадь, по сравнению с самокатом, на котором к тому же решили съехать с олимпийского трамплина на Воробьевых горах.

Вадим Казарин и Миша Давиденко полностью осознали правоту этого утверждения в тот момент, когда впереди неожиданно дорогу им начал перегораживать здоровенный оранжевый грузовик, известный в народе под названием «мусорка».

Пытаясь избежать неминуемого столкновения, Казарин

вильнул в левую сторону, Давиденко – в правую...

О российских дорогах со времен Николая Васильевича Гоголя сказано немало, но обочины российских дорог еще хуже.

После того как стало очевидно, что мотоциклисты неспособны продолжать преследование, грузовик преспокойно развернулся и поехал в ту же сторону, в которой исчезла черная «Волга». Проехав пару перекрестков, он свернул влево.

Глава вторая

Дежурный следователь Ярослав Степищев сидел за столом в своем кабинете и ждал, пока закипит чайник. Он ждал уже целых десять минут.

«Зря я налил его целиком, – думал Степищев. – Чертовы китайцы! Чертов новый чайник!»

Три дня назад их отделу подарили новый чайник. В отличие от старого этот был огромным.

«Сами виноваты, – думал Степищев. – Пили бы себе из старого».

За три дня никто из сотрудников так и не привык к разнице объемов и, повинуясь старой привычке, наполняли чайник водой под завязку.

Ждать соответственно приходилось дольше.

Если в отделе сидело несколько человек, никаких особых проблем не было: за разговором время течет незаметно.

Но вот когда ты сидишь один...

Самым подлым было то, что сбоку на чайнике имелись деления, по которым внимательный человек мог определить, сколько именно воды надо залить внутрь. И эта шкала была повернута лицом именно к нему, Ярославу Степищеву, следователю Мосгорпрокуратуры из Управления по расследованию бандитизма и убийств.

Не то чтобы Степищев был невнимательным человеком.

В конце концов, избранная профессия предполагает другое. А профессию свою Ярослав Степищев любил.

Для него, потомственного работника следственных органов в третьем поколении, никогда не стоял вопрос выбора своего дальнейшего призвания. Впрочем, ни отец, ни дед никогда не поднимались высоко по служебной лестнице.

Ярослав Степищев собирался их превзойти. Но пока ему это не удавалось. Он работал в прокуратуре уже четыре года, однако ни одного более или менее значительного дела ему не попадалось. Не потому, что Степищев ленился или был на плохом счету у начальства. Просто ему не везло.

Он и сам считал, что ему не везло. И коллеги тоже так считали.

Ни одного громкого дела за все четыре года работы! Есть чему посочувствовать.

А без громких дел, к тому же успешно доведенных до конца, разве могут быть какие-нибудь перспективы? Остается только плестись в конце, стареть и ждать выслуги лет. Одним словом, тоска.

Через месяц Ярославу Степищеву должно было исполниться двадцать семь лет. Он считал себя очень старым.

Наконец чайник щелкнул, и Степищев сумел-таки приготовить себе большую кружку кофе. Вместе с пачкой шоколадного печенья не так плохо.

Было бы еще лучше, если бы в самый неподходящий момент не зазвонил телефон. Телефон еще куда ни шло, но ко-

гда звонит непосредственный начальник и требует срочно к себе в кабинет, тут уже не до кофе.

Владислав Семенович был лаконичен.

– Ярослав, собирайся – и срочно на место.

Предвкушая очередное рутинное задание, Степищев не удержался от вздоха. Это не укрылось от бдительного начальственного ока.

– Только что возле входа в «Русьбанк» были расстреляны двое инкассаторов. Преступники скрылись, деньги похищены. – Начальник выдержал паузу, любясь произведенным эффектом. – Я бы дал это дело кому-нибудь другому, но, увы, никого свободного нет.

Эффект был налицо.

После услышанного Степищев тут же забыл про остывающий в его кабинете кофе и готов был бежать чуть ли не на край света. Наконец-то ему попало серьезное дело!

– Конечно, я тут же выезжаю, – заторопился он.

– А справишься? – как бы раздумывая, протянул начальник. – Может быть, все-таки вызвать Корнеева? Хотя у него и выходной... Он уже сталкивался с подобными делами.

– Не надо Корнеева, – замахал руками Степищев. – Пускай отдыхает, у него и так сейчас дел по самое горло.

– Ладно, пожалуй, ты прав, – одобрительно кивнул начальник. – Только смотри не подкачай. Как все выяснишь, сразу ко мне на доклад...

Когда Степищев прибыл к месту преступления, там уже

вовсю трудились оперативники.

Достав удостоверение, Ярослав прошел через оцепление милиции, которая вяло переругивалась с толпой любопытных граждан, никак не желающих разойтись по своим делам.

Уже издали он увидел лежащего на асфальте человека, накрытого черным мешком. Кроме того, на асфальте еще в нескольких местах темнели расплзшиеся пятна крови.

Работали криминалисты, возле инкассаторской машины старший лейтенант Коля Туманов допрашивал мужчину с обмотанной бинтом головой.

Между группами людей нервно ходил туда-сюда капитан Бердников. Степищев направился прямо к нему.

– Привет, Костя. Что тут случилось?

– А, привет, Ярик. – Бердников сунул ему ладонь. – Инкассаторов постреляли.

– Что-нибудь ясно?

– А что тут может быть ясно? Классно сработали, суки. – Бердников вытащил пачку сигарет, протянул Степищеву. – Нагло, профессионально. И смылись как ни в чем не бывало.

– Много взяли?

– Все взяли! А сколько конкретно – это к управляющему. Он как раз сейчас должен подъехать. Кассиры молчат, не имеют права сообщать такую информацию, а инкассатор не знает.

– Инкассатор? Разве кто-то выжил?

– Шофер выжил. – Бердников кивнул в сторону инкасса-

торской машины. – Вон Туманов с ним беседует.

– Пойду послушаю.

Мужчина с перемотанной головой сидел на ступеньке машины и торопливо курил сигарету. Судя по дрожащим рукам и по количеству валявшихся вокруг него бычков, он так и не успел отойти от недавнего происшествия.

– Я вначале вообще не понял, что происходит, – услышал Степищев его голос. – Они выскочили непонятно откуда. Я потом только понял, что из «Волги». Она тут с самого начала стояла, еще до того, как мы подъехали. – Водитель выбросил окурок и тут же закурил новую сигарету. – Но так неприметно стояла. До сих пор не понимаю, почему мы сразу не обратили на нее внимания. Там же внутри три амбала в хаки. Да еще с автоматами.

– Следователь Степищев, Мосгорпрокуратура. Так вы говорите, что их было трое?

– Трое, – подтвердил водитель. – Моя фамилия Чертков, Федор Максимович.

– А окна в машине были тонированные?

Чертков ненадолго задумался.

– Точно! – возбужденно кивнул он. – Тонированные! Мы поэтому и не видели, кто там сидит. А возле банков все машины с тонированными стеклами. Вот мы и не обратили на это внимания.

– И что было дальше?

– Все произошло неожиданно. Я сидел в машине. Толя с

Германом как раз вышли из здания, когда выскочили эти в масках – все с автоматами – и сразу открыли огонь. Толю уложили на месте. Схватили мешки с деньгами и обратно к машине. Ну я тогда выскочил и сделал несколько выстрелов. – Чертков помолчал. – Но, кажется, не попал.

Краем глаза Степищев увидел, как с противоположной стороны сквозь милицейское оцепление пробивается молодой человек в очках и в дорогом черном костюме. Очевидно, это был управляющий.

– Коль, продолжай один, – кивнул он Туманову. – Похоже, начальство прибыло.

А молодой человек уже общался с капитаном Бердниковым.

– Это просто чудовищно! – возмущался он. – Вы обязательно должны поймать этих подонков!

– Ярослав Степищев, Мосгорпрокуратура.

– Аркадий Смирнов, управляющий «Русьбанка».

– Господин Смирнов, мне необходимо задать вам несколько вопросов. Только хотелось бы сделать это не на улице.

– Конечно, конечно, – заторопился Смирнов. – Прошу вас пройти в мой кабинет. Там нам никто не помешает.

Он направился к дверям банка.

– Костя, ты не возражаешь против того, чтобы поприсутствовать при этом разговоре? – спросил Степищев у Бердникова.

На лифте они поднялись на седьмой этаж здания. Из при-

емной навстречу Смирнову выскочила секретарша.

– Аркадий Рудольфович, звонил учредитель. Вам необходимо срочно с ним связаться.

Увидев незнакомых людей, она осеклась.

– Хорошо, Аллочка. Эти господа из прокуратуры. Сделай нам, пожалуйста, кофе. И проследи, чтобы в ближайшее время нас никто не беспокоил. – Управляющий повернулся к Степищеву с Бердниковым. – Господа, прошу в мой кабинет.

Кабинет Аркадия Смирнова был обставлен по последнему слову техники.

Огромный экран, висящий на стене кинопроектор. Все серебристого цвета. Со всем этим резко контрастировал vyplненный в стиле ретро телефон. В углу стоял глобус, служивший также и баром.

– Господа, может быть, перед кофе желаете выпить по рюмочке коньяку?

– Нет, спасибо, – отказался Степищев. – Мы на службе.

– Что же, настаивать не буду. Устраивайтесь.

Смирнов прошел за свой огромный стол, Степищев и Бердников расположились в креслах. Бердников принялся равнодушно осматривать убранство кабинета, предоставив Степищеву вести разговор самому.

– Аркадий Рудольфович, – начал тот, – хотелось бы прояснить некоторые вопросы, в которых помочь нам можете только вы. Излишне говорить о том, что именно от вашей помощи будет зависеть, насколько быстро мы сумеем пой-

мать преступников и вернуть вам похищенную сумму.

Лицо управляющего приняло скорбное выражение.

– Сумма... – произнес он с некоторым, как показалось Степищеву, излишним пафосом. – Деньги! Конечно, от управляющего банком вам будет странно это слышать, но ведь погибли люди! И это – куда большая трагедия.

«Действительно странно, – подумал Степищев. – Как-то слишком сентиментально. Хотя, может быть, он имеет в виду страховку»?

– Я слышал, что погибших двое? – поинтересовался Смирнов.

– Нет, погибший один, – вступил в разговор Бердников. – Анатолий Никифоров. Второй инкассатор, Герман Миркин, жив. Правда, он находится в крайне тяжелом состоянии.

– Скажите, Аркадий Рудольфович, у вас в банке раньше случалось подобное?

– Нет-нет, что вы, Ярослав... – Смирнов замялся.

– Андреевич.

– Извините. Нет, что вы, Ярослав Андреевич! – Смирнов округлил глаза. – Никогда! Наш банк всегда славился своей надежностью. Даже в период разгула криминальных группировок у нас никогда не случалось подобных, так сказать, эксцессов.

– Странно, почему же это произошло именно сейчас?

Смирнов развел руками:

– Ни один банк не застрахован от грабителей.

В кабинет вошла секретарша, держа в руках поднос с тремя чашками ароматного, дымящегося кофе.

– Спасибо, Аллочка.

Не произнеся ни слова и даже не одарив присутствующих взглядом, секретарша удалилась.

– Прекрасный кофе, – похвалил Степищев.

– Спасибо, – улыбнулся Смирнов. – Люблю хороший кофе. Прекрасно, что сейчас в России его можно купить.

Сделав пару глотков, Степищев поставил чашку на блюде.

– Скажите, Аркадий Рудольфович, убитый и раненый были вашими постоянными инкассаторами?

Смирнов закашлялся.

– Вам нехорошо? – вежливо поинтересовался Ярослав.

– Нет-нет, все в порядке. – Смирнов перестал кашлять и теперь смотрел на Степищева. – Об этом-то я совсем не подумал.

Бердников равнодушно смотрел мимо стола.

– О чем именно? – спросил Степищев.

– Понимаете, Ярослав Андреевич, два месяца назад мы сменили инкассаторов.

– По какой причине?

– По самой банальной. Охранное предприятие, с которым мы работали последние несколько лет, закрылось.

– То есть как закрылось? Ни с того ни с сего?

– Именно так. Они не стали продлевать лицензию.

– Не стали? – поинтересовался Бердников. – Или им ее соответствующие органы не продлили?

– Об этом вам лучше узнать у руководителя охранного предприятия Бориса Павлова. Я дам вам его визитку. Правда, насколько мне известно, он сейчас находится за границей. Его охранное предприятие называлось «Кремень».

В своем блокноте Степищев отметил это название.

– А с кем вы работаете сейчас?

– Частное охранное предприятие «Пионер». – Смирнов прищурил глаз. – А вы думаете, что они могут быть причастны к этому нападению?

– Мы будем отрабатывать все версии, – пообещал Степищев. – Хотя вряд ли они стали бы убивать своих людей.

– Мы живем в такое время, уважаемый Ярослав Андреевич, – грустно улыбнулся Смирнов, – когда не всегда получается знать, кто свой, а кто чужой.

«Любопытная сентенция, – отметил про себя Ярослав, – хотя и не оригинальная».

– Аркадий Рудольфович, вы тогда заодно поищите визитную карточку руководителя ЧОП «Пионер». Поговорить с ним для нас сейчас будет актуальней.

– Разумеется.

Смирнов выдвинул ящик стола и, порывшись там минуточку-другую, достал две визитные карточки:

– Вот, пожалуйста.

– Спасибо, а теперь, пожалуй, самый важный вопрос. –

Степищев выдержал паузу. – Нам необходимо знать, какую именно сумму похитили бандиты.

Аркадий Рудольфович Смирнов резко помрачнел.

– Сумма очень большая, господа. – Он тоже выдержал паузу. – Не знаю, как вы, но лично я никогда не слышал, чтобы из банка в России похищали подобную сумму. Это чуть больше миллиона долларов.

На этот раз закашлялся невозмутимый Бердников.

– Чуть больше миллиона? – переспросил он.

– Да.

– Да-а. Наверное, это серьезный удар по вашему банку?

– Разумеется. Как только это станет известно прессе, люди кинутся забирать свои сбережения. На ближайшее время наших активов, конечно, хватит. Но сами понимаете, ситуация не из приятных.

– Скажите, Аркадий Рудольфович, – недоуменно спросил Степищев, – а неужели ваш банк каждый день перевозит подобные суммы?

– Нет, конечно, не каждый. Один раз в месяц.

– Хорошо. – Степищев поднялся из кресла. – Спасибо, Аркадий Рудольфович, за то, что уделите нам время.

– Ну что вы. – Смирнов тоже поднялся. – Ярослав Андреевич, я понимаю, что существует тайна следствия, но все же, если появится какая-то доступная информация, держите меня, пожалуйста, в курсе. Со своей стороны я обещаю вам любое содействие.

– Конечно, к тому же вы наверняка еще понадобится. Поэтому, Аркадий Рудольфович, постарайтесь пока не покидать пределов Москвы.

Проводив гостей, Аркадий Рудольфович первым делом направился к глобусу. Достав оттуда бутылку виски, он налил себе полстакана и залпом выпил.

Потеря миллиона долларов – это очень серьезная проблема. И предстоящий разговор с учредителем банка не сулил ничего хорошего.

Вернувшись за стол, Смирнов нажал кнопку громкоговорящей связи:

– Аллочка, соедини меня, пожалуйста, с Огурцовым. И пришли ко мне начальника службы безопасности.

За то время, пока Степищев и Бердников разговаривали с управляющим, картина перед банком практически не изменилась. Все так же толпился народ, с которым лениво препирались милиционеры из оцепления.

– Черт, – ругнулся Бердников. – Вот этого нам только сейчас и не хватало.

Посмотрев в ту же сторону, Степищев увидел несколько телевизионных групп. Они уже развернули свою аппаратуру и теперь делали первые репортажи, внимательно следя за всеми выходящими из банка.

– По нашу душу, – мрачно резюмировал Бердников. – Точнее, по твою.

Сквозь оцепление прорвалась наиболее бойкая журналистка и, не обращая внимания на окрики милиционеров, ринулась им наперерез.

– Тамара Полянская, ГТВ. Как бы вы могли прокомментировать случившееся? – затараторила она. – Считаете ли вы сегодняшнее нападение инцидентом или же оно положит начало серии подобных нападений?

– Без комментариев, – резко ответил Степищев, поворачивая в сторону инкассаторской машины.

К журналистке уже подбежали милиционеры и стали выталкивать ее обратно за оцепление.

Вернувшись на исходную, журналистка поправила прическу и вновь встала перед камерой.

– Только что вы видели реакцию представителей следственных органов. Не исключено, что подобные нападения в ближайшее время повторятся. Сумма, похищенная при нападении, пока не разглашается. Но можно предположить, что эта сумма достаточно велика. Тамара Полянская. Специально для ГТВ.

От инкассаторской машины навстречу Степищеву и Бердникову уже шел Коля Туманов.

– Ну что, Коля, новое что-нибудь есть?

– Новое есть. Ничего хорошего.

– Рассказывай.

– В четырех кварталах отсюда, на Карповича, вероятно вскоре после нападения на этот банк, произошло ДТП. В

ДПС мне сообщили: двое патрульных мотоциклистов погнались за черной «Волгой». Дорогу им перегородил грузовик. Оба патрульных в больнице в тяжелом состоянии.

– «Волга», естественно, скрылась?

– Естественно.

– А грузовик?

– Грузовик тоже скрылся, сейчас ищут.

– А что говорят свидетели?

Туманов пожал плечами:

– Только то, что я вам уже рассказал. Гуляла там одна бабка с собакой, она, собственно, и вызвала милицию.

– А что с этим Чертковым?

– Ничего, отпустил его домой.

Степищев потер подбородок:

– Понятно. Ладно, я поехал к начальству на доклад. Обязательно изымите кассеты с камер видеонаблюдения. Костя, надо будет как можно быстрее узнать про эти охранные предприятия. Про оба. Желательно пообщаться с господами Павловым и... – Степищев вынул из кармана визитную карточку, – Валентиновым, Сергеем Сергеевичем. Руководителем частного охранного предприятия «Пионер».

Владислав Семенович выслушал доклад Степищева молча.

– Да, – произнес он, когда Ярослав закончил. – Миллион долларов – дело серьезное. Ты в курсе, что это самое крупное

ограбление инкассаторов в России?

Степищев еще не успел навести справки, но решил, что лучше об этом не сообщать.

– В курсе, – не моргнув глазом ответил он.

– Ну и как, считаешь, справишься?

– Справлюсь. Некоторые меры мной уже предприняты.

– Вот как? И какие же?

– Я поручил проверить охранное предприятие «Пионер», а также выяснить, почему не была продлена лицензия охранному предприятию «Кремень». Кроме того, сейчас ведется поиск грузовика и его водителя.

Владислав Семенович побарабанил пальцами по столу.

– А что с этим Смирновым? Ты сказал, что он вел себя странно?

– Да не то чтобы странно... – Степищев на секунду задумался, подыскивая слова. – Просто мне показалось, что он очень сильно нервничает.

– Нервничает? – усмехнулся Владислав Семенович. – Еще бы он не нервничал! Миллион все-таки. Впрочем, ты прав, этого Смирнова тоже не мешает проверить. Послал кого-нибудь в больницу к выжившему инкассатору?

– Нет, он сейчас без сознания. Но я созвонился с врачом, если будут какие-то изменения, он тут же мне сообщит. – Степищев помолчал. – Может быть, следовало бы приставить к палате охрану?

– Да нет, не думаю. Кому он может мешать? Скорее уж

охрану следует приставить к Смирнову. Впрочем, у него есть своя охрана. Ладно, Ярослав Андреевич, ты все сделал правильно. Так что тебе это дело и вести. Кого предлагаешь включить в оперативно-следственную группу?

– Костю Бердникова и Колю Туманова. Тем более что они этим делом уже занимаются.

– Ну добро. Держи меня в курсе.

...Вернувшись в свой кабинет, Ярослав увидел на столе давным-давно остывшую чашку кофе и вспомнил, что так и не успел сегодня пообедать. Идти в столовую было поздно, оставалось только вскипятить чайник и доесть засохшее за день печенье.

Ярослав щелкнул кнопкой и, сев за стол, стал анализировать события прошедшего дня.

Наконец-то ему попало стоящее дело! Теперь главное – раскрутить его.

Он взял чистый лист бумаги и записал на нем в столбик все события и фамилии, которые стали ему сегодня известны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.